

Министерство образования и науки Российской Федерации
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ (НИ ТГУ)
Исторический факультет
Кафедра современной отечественной истории

ДОПУСТИТЬ К ЗАЩИТЕ В ГЭК
Зав. каф. современной
отечественной истории
д-р ист. наук, профессор
_____ С.Ф. Фоминых
«_____» _____ 2015г.

Конев Кирилл Александрович

ОБРАЗ СОЮЗНИКОВ
В ОФИЦИАЛЬНОЙ И ПРОПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ ПЕЧАТИ
СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА (МАЙ 1918 – ЯНВАРЬ 1920 гг.)

МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание степени магистра истории
по направлению подготовки
46.04.01 – История

Руководитель ВКР
доцент, д-р. ист. наук
_____ Д.Н. Шевелев
подпись

«_____» _____ 2015 г.

Автор работы
студент группы № 03911
_____ К.А. Конев
подпись

Томск – 2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1. Образ союзников в официальной и проправительственной периодической печати Временного Сибирского правительства (май-ноябрь 1918 г.)	23
1.1 Общественное мнение Сибири и Дальнего Востока накануне интервенции союзников	23
1.2 Начало интервенции стран Антанты и формирование образа союзников в официальной и проправительственной печати (май-ноябрь 1918 г.).	39
Глава 2. Образ союзников в официальной и проправительственной печати Временного Всероссийского – Российского правительства адмирала А.В. Колчака (ноябрь 1918 – январь 1920 гг.).	62
2.1 Положительные стороны интерпретации образа союзников в официальной и проправительственной печати белого востока	63
2.2 Отрицательные стороны интерпретации образа союзников в официальной и проправительственной печати белого востока	83
Заключение	103
Список использованных источников и литературы	108

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Гражданская война в России была столкновением различных идей и мировоззрений, противоборствующие стороны «отстаивали противоположные по своему содержанию социальные проекты, олицетворявшие собой альтернативные модели развития российского общества»¹. Победа той или иной стороны во многом зависела от способности эффективно использовать методы информационного воздействия для привлечения на свою сторону масс.

В отличие от своих противников, антибольшевистские силы, не имели четко оформленной идеологической платформы. Неоднородность белого движения в социальном и политическом плане порождала многообразие периодических изданий отражавших интересы и взгляды, формирующих его различных партий, течений и групп. Отсюда возникал целый спектр оценок и суждений, выраженных на страницах различных изданий. В результате, информационное пространство на территориях, находившихся под контролем белых, отличалось многообразием и динамизмом составлявших его элементов – пропагандистских образов, идеологем, мифов, политических нарративов.

Структуры власти, созданные летом 1918 г. на территории Сибири, и выступившие против большевиков, опираясь на некоторые из этих элементов, стремились сформировать собственный положительный образ в глазах населения и сконструировать новую национально-государственную идентичность и систему ценностей в противовес большевистской пропаганде.

Особое место в содержании риторики официальной и проправительственной прессы занимал образ союзников. Проблема взаимоотношений России с Антантой не сходила со страниц сибирской и

¹ Шевелев Д.Н. Осведомительная работа антибольшевистских правительств на территории Сибири в годы Гражданской войны (июнь 1918 – январь 1920 гг.) : дис. ... д-ра. ист. наук: 07.00.02. Томск, 2012. С. 4.

дальневосточной печати на протяжении всего периода Гражданской войны. Незатухающий интерес к союзникам был обусловлен с одной стороны, их противоречивой политикой в отношении России, с другой – надеждами и стремлением правительств белой Сибири заручиться поддержкой бывших соратников по Первой мировой войне. Образ союзников, формировавшийся в прессе востока России, являлся неотъемлемой частью правительственных пропагандистских кампаний и использовался в развертывании и трансляции ряда ключевых идеологем. В связи с этим, реконструкция содержания и анализ образа союзников представляются весьма актуальными.

Во-первых, рассмотрение трансформаций, которые претерпел данный образ, поможет пролить свет на процесс формирования и эволюции представлений общественности востока России о внешнем мире в период Гражданской войны. Кроме того, изучение особенностей восприятия интервенции прессой и обществом, поспособствует более глубокому пониманию взаимоотношений белых с интервентами.

Во-вторых, анализ образа союзников в контексте рассмотрения его роли в процессе конструирования ряда ключевых идей и ценностей белого движения, создает условия для более глубокого и целостного изучения идеологии антибольшевистских сил востока России.

Наконец, изучение механизмов и технологий формирования образа союзников позволяет дополнить существующие представления о способах и эффективности пропагандистской деятельности антибольшевистских сил.

В конечном счете, все это позволяет расширить проблематику в области исследований Гражданской войны, заполнить еще один пробел в истории данного периода.

Историография проблемы. Событиям Гражданской войны и иностранной интервенции посвящено большое количество работ отечественных и зарубежных авторов. Возросший в 1980-х и 1990-х гг. интерес исследователей к истории белого движения, который не утихает и

сейчас, способствовал расширению количества и тематики работ по данному направлению.

На современном этапе изучения Гражданской войны в России, историки обращаются к анализу многоплановых теоретических проблем, различных, ранее не затронутых тем и вопросов. Кроме того, ряд проблем переосмысливается и дополняется с учетом применения новых методов и подходов. Процесс формирования образа стран Антанты в небольшевистской периодической печати Сибири и Дальнего Востока представляет собой малоизученный пласт истории Гражданской войны. Данная проблема тесно связана с двумя блоками вопросов в историографии Революции и Гражданской войны в России.

Первый блок литературы связан с изучением идеологии белых и красных, деятельности органов пропаганды и средств массовой информации, в частности, периодической печати, особенностей процесса формирования общественного мнения в условиях социальных потрясений и конфликтов.

В советской историографии достаточно полно и всесторонне был исследован опыт идеологической работы большевистской партии. Особое внимание уделялось теоретическим аспектам пропаганды, содержанию, формам и методам воздействия¹. Такой проблеме как агитационно-пропагандистская деятельность большевистской периодической печати, с целью воздействия, как на собственные силы, так и на противника, также посвящен ряд работ советских историков².

¹ См. например: Журавлев Г.Т. Коммунистическая пропаганда: вопросы теории и методики. М., 1974; Колосов П.И. Коммунистическая партия в период иностранной военной интервенции и гражданской войны. М., 1960; Шилко К.П. Идеологическая работа Коммунистической партии в первые годы Советской власти (октябрь 1917 – март 1919 гг.). Минск, 1975; и т.д.

² Турунов А.Н. Советская пресса в Сибири в 1917-1918 гг.: Мат. к библиографическому обзору. Иркутск, 1922; Белков А.К. Партийная и советская печать в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918-1920гг.). М., 1956; Селезнев И.А. Война и идеологическая борьба. М., 1964; Юрко А.И. Становление партийной советской прессы (октябрь 1917-1918 гг.). Саратов, 1965; Окорочков А.З. Октябрь и крах русской буржуазной прессы. М., 1970; Якушевский А.С. Пропагандистская работа большевиков среди

Советская историография при рассмотрении идеологии и пропагандистской деятельности антибольшевистского движения, зачастую лишь противопоставляла ее большевистской идеологии, и уделяла ей значительно меньшее внимание. Некоторые аспекты данной проблемы отражены в работах ряда отечественных авторов¹. Содержание идеологии антибольшевистского движения, по мнению советских исследователей, было обусловлено, преимущественно, классовым происхождением его участников, и в целом характеризовалась как реакционное.

Также обращалось внимание и на средства воздействия на общество, в частности на прессу. О необходимости изучать некоммунистическую печать Сибири было заявлено в статьях иркутского историка литературы Л.С. Любимова². В работе В.Л. Соскина рассматриваются деятельность, методы и приемы антибольшевистской печати, рассматриваемой как клеветническая и контрреволюционная, помимо того затронута также тема идеологической работы интервентов в Сибири, которая была оценена резко отрицательно, и представлена как одна из форм оккупации³. Такой подход в оценке деятельности антибольшевистских сил и интервентов в сфере идеологии в целом был присущ советскому периоду. В работах Н.М. Семеновой, А.П. Волгина, А.Н. Никитина периодическая печать рассматривается как

интервентов 1918-1920 гг. М., 1974; Катков Н.Ф. Агитационно-пропагандистская работа большевиков в войсках и тылу белогвардейцев в период 1918-1920 гг. Л., 1977 и др.

¹ Иоффе Г.З. Крах российской монархической контрреволюции. М., 1977; Он же. Белое дело. Генерал Корнилов. М., 1989; Спирин Л.М. Некоторые теоретические и методологические проблемы изучения непролетарских партий в России // Банкротство мелкобуржуазных партий в России 1917-1922. М., 1977; Гармиза В.В. Крушение эсеровских правительств. М., 1970; Думова Н.Г. Кадетская контрреволюция и ее разгром (октябрь 1917-1920 гг.). М., 1982; Поликарпов В.Д. Военная контрреволюция в России 1905-1917 гг. М., 1990.

² Любимов Л.С. большевистская печать в Сибири в период подготовки Великой Октябрьской социалистической революции (июль-октябрь 1917) // Записки Иркутского областного краеведческого музея. 1965. С. 84-107; Он же. Борьба большевиков с контрреволюционной печатью в период установления и упрочения Советской власти в Сибири // Коммунисты Восточной Сибири в борьбе за победу Советской власти и построение коммунизма. Иркутск, 1965. С.86-94 и др.

³ Соскин В.Л. Очерки истории культуры Сибири в годы революции и гражданской войны. Новосибирск, 1965.

важный источник по изучению общественно-политической жизни Сибири в период Гражданской войны¹.

Политические трансформации 1980-90-х гг. оказали серьезное воздействие на развитие отечественной исторической науки. Существенно возрос интерес к незатронутым ранее темам и проблемам, при изучении которых историки все активнее применяют новые подходы и методы. В связи с чем, пересмотру подверглись многие сюжеты и проблемы в истории Революции и Гражданской войны в России, в том числе связанные с изучением идеологии и пропагандистской деятельности антибольшевистского движения. В 1990-е гг. появился ряд новых работ, посвященных данным проблемам. В данном контексте следует выделить исследования В.Д. Зимин² и В.В. Шелохаева³ посвященные идеологии белого движения.

Вместе с тем, возрос интерес к истории антибольшевистской периодической печати и организации пропагандистской работы белогвардейскими правительствами. В монографии Е.Н. Косых⁴ исследован классово-партийный состав периодики Сибири, показана борьба идей на страницах изданий, анализируется эффективность воздействия антибольшевистской прессы на общество. В исследованиях Л.А. Молчанова⁵

¹ Семенова Н.М. Периодическая печать Сибири как источник по истории «демократической контрреволюции». Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1977; Волгин А.П. К характеристике периодической печати как источнике по истории колчаковщины // Вопросы истории социального и экономического развития советской Сибири. Томск, 1986. С. 64-75; Он же. Буржуазная пресса Сибири и колчаковщина. Автореф. ... канд. ист. наук. Томск, 1990; Никитин А.Н. Периодическая печать как источник по истории гражданской войны в Сибири. Омск, 1991.

² Зимина В.Д. Белое движение в годы гражданской войны. Волгоград. 1995; Она же. Белое движение времен гражданской войны: в плену «чистой идеи» // Белая армия. Белое дело. (Екатеринбург). 1996. №1.

³ Шелохаев В.Д. Идеология и политическая организация российской либеральной буржуазии. М., 1991.

⁴ Косых Е.Н. Периодическая печать Сибири (март 1917- май 1918 гг.). Томск, 1994.

⁵ Молчанов Л.А. Деятельность информационных учреждений «белой» России в годы гражданской войны (1918-1920 гг.) // Государственный аппарат России в годы революции и гражданской войны: Мат. всерос. конф. М., 1998; Он же. Информационно-агитационные учреждения «белой» Сибири (1918-1920 гг.) // Белая гвардия. 1998. № 2; Он же. «Русское

и А.Л. Посадкова¹ на основе впервые введенных в оборот архивных материалов изучается деятельность информационно-осведомительных органов восточной контрреволюции – Русского общества печатного дела и Совещания по делам печати. Монографии Л.А. Молчанова² посвящены деятельности антибольшевистской прессы, информационному обеспечению, распространению, содержанию и составу печати. В них рассматривается опыт газетной печати по выполнению ею политико-идеологической, информационной и просветительской функций, и отмечается, что условиях идеологизации всех сторон жизни общества, российская газетная пресса была основой глобального манипулирования общественным мнением со стороны властных структур и ведущих политических сил страны, газеты не только выполняли информационную и просветительскую функцию, но и активно создавали политические мифы.

Особенности взаимодействия антибольшевистских режимов и прессы, специфика формирования общественного мнения на востоке России, исследуются также В.М. Рынковым, по мнению которого периодика того периода являлась основой, формирующей информационное пространство. Пресса в значительной мере была подвержена воздействию власти, которое, однако, не было абсолютным, в результате чего общественные организации и

общество печатного дела»: проблемы организации и деятельности // История «белой» Сибири: Тез. второй науч. конф. Кемерово, 1997; Он же. Цензура «белой» Сибири // История белой Сибири: Тез. третьей науч. конф. Кемерово. 1999 и др.

¹ Посадков А.Л. К истории создания Русского общества печатного дела в Омске // Четвертые Макушинские чтения. Новосибирск, 1997; Он же. К истории эвакуации Русского общества печатного дела (окт. 1919 - янв. 1920 гг.) // История белой Сибири: Тез. Третьей науч. конф. Кемерово, 1999; Он же. Совещание по делам печати как идеологический центр колчаковского правительства (по рассекреченным материалам ГАРФ) // Клио: Межвуз. журнал для ученых. СПб., 1997. № 2; Он же. Совещание по делам печати как идеологический центр колчаковского правительства (по рассекреченным материалам ГАРФ) // Региональные процессы в Сибири в контексте российской и мировой истории: Тез. докл. Всерос. науч. конф. Новосибирск, 1998 и др.

² Молчанов Л.А. Газетный мир антибольшевистской России (октябрь 1917–1920 гг.). М., 2001; Он же. Газетная пресса России в годы революции и Гражданской войны (окт. 1917-1920 гг.). М., 2002.

заинтересованные группы сохраняли возможность воздействовать на общественное мнение и на органы власти¹.

Особенности функционирования периодической печати Сибири в период «демократической контрреволюции» рассматриваются в диссертации Д. Л. Шереметьевой². Эволюция взглядов сибирских либералов показана в работе В.Г. Хандорина³. Отдельные аспекты содержания пропагандистской риторики антибольшевистских правительств Сибири исследуются в статьях В.В. Журавлева⁴, Е.В. Лукова⁵, Н.И. Наумовой⁶.

Деятельности антибольшевистских осведомительных органов, посвящено диссертационное исследование Д.Н. Шевелева⁷. Автор отмечает, что антибольшевистские режимы востока России не смогли сформировать своей четкой идеологии, системы ценностей и символов, способной

¹ Рынков В.М. Антибольшевистские политические режимы и общество: взаимодействие не информационном пространстве восточных регионов России // Контрреволюция на востоке России в период гражданской войны (1918-1919 гг.) Сб. науч. ст. Новосибирск: 2009. С. 105-125

² Шереметьева Д.Л. Газеты Сибири в период «демократической контрреволюции»: конец мая – середина ноября 1918 г. : дис. ... кандидата исторических наук : 07.00.02.; Новосибирск, 2011.

³ Хандорин В.Г. Идеино-политическая эволюция либерализма в Сибири периода Революции и Гражданской войны. Томск, 2010.

⁴ Журавлев В.В. «Присвоив таковому лицу наименование Верховного Правителя»: К вопросу о титуле, принятом адмиралом А.В. Колчаком 18 ноября 1918 г. // Антропологический форум. 2008. № 8. С. 353-388.; Он же. Правовая репрезентация государственной власти сибирской контрреволюции в 1918 г. // Контрреволюция на востоке России в период гражданской войны (1918–1919 гг.). Новосибирск, 2009. С. 3-20. Он же. Образ А.В. Колчака в публикациях С.А. Ауслендера // Власть и общество в Сибири в XX веке Научный редактор: В.И. Шишкин. Новосибирск, 2012. С. 102-111.

⁵ Луков Е.В. Формирование образа власти антибольшевистскими правительствами Сибири (по материалам периодической печати) // Сибирь в период Гражданской войны. Кемерово, 2007. С. 140-143; Он же. Образ Уфимской Директории на страницах «Вестника Временного Всероссийского правительства» // 150 лет периодической печати в Сибири. Томск, 2007. С. 183-188.

⁶ Наумова Н.И. Феномен «нации» в идеологии белогвардейцев // История белой Сибири : материалы 6-й международной научной конференции, 7-8 февраля 2005 года, Кемерово Кемерово, 2005 С. 173-177; Она же. О содержании лозунга «единая и неделимая Россия» в годы гражданской войны // По страницам истории и судьбы : к 70-летию профессора Ю. В. Куперта : сборник научных статей и материалов Томск, 2001. С. 163-167

⁷ Шевелев Д.Н. Осведомительная работа антибольшевистских правительств на территории Сибири в годы Гражданской войны (июнь 1918-январь 1920 гг.) : дис. ... доктора исторических наук : 07.00.02. Томск, 2012.

объединить все антибольшевистские силы и широкие слои населения. Это было обусловлено, как спецификой организации самого пропагандистского аппарата, так и особенностями содержания пропаганды белых и ее соотношением с реальностью.

Второй блок исследований отражает проблематику, связанную с изучением взаимоотношений стран Антанты, США и России в период Революции и Гражданской войны и иностранной вооруженной интервенций на Дальнем Востоке и в Сибири. Эти вопросы также достаточно широко и подробно исследованы, как отечественными, так и зарубежными историками. В литературе советского периода выделяются три большие группы работ: исследования, посвященные внешней политике и интервенции США, отдельно – политике и интервенции Японии, а также работы, в которых комплексно рассматривается дальневосточная политика стран Антанты и США

Политике Америки на Дальнем востоке и изучению советско-американских отношений посвящен ряд работ советских историков¹. Исследования посвящены различным сторонам взаимоотношений России и США, главным образом на официальном межгосударственном уровне. Авторы заостряли внимание на попытках Запада повлиять на события в России, прежде всего не допустить прихода к власти большевиков.

В 1950-60-е гг. в связи с противостоянием СССР и Запада усиленно изучалась тема, связанная с интервенцией США². Утверждалось, что

¹ Попова Е.И. Политика США на Дальнем Востоке (1918-1922 гг.). М., 1967; Ганелин Р.Ш. Советско-американские отношения в конце 1917 – начале 1918 гг. Л., 1975; Гвишиани Л.А. Советская Россия и США (1917-1920). М., 1970; Мальков В.Л. США: от интервенции к признанию Советского Союза (1917-1933 гг.) // Новая и новейшая история. 1984. № 1. С. 125-146.

² Мельчин А.И. Американская интервенция на советском Дальнем Востоке. М., 1951; Березкин А.В. США – активный организатор и участник военной интервенции против Советской России. М., 1952; Беляев Б. Крах американской агрессии в Сибири в 1918-1920 гг. Новосибирск, 1952; Фоминых С.Ф. К истории интервенции и гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке. Критический анализ американской дипломатической переписки как исторического источника. Томск, 1988.

политика США была враждебной по отношению к большевикам, основная ставка делалась американцами на режим Колчака, японско-американские противоречия обострялись. В то же время американская политика носила двойственный характер вследствие наличия противоречивых тенденций в отношении «русского вопроса» внутри руководства США.

Изучению различных аспектов японской интервенции – военного, дипломатического, экономического посвящены исследования С.С. Григорцевича, С.Г. Лившица, Г.Е. Рейхберга¹. Особое внимание, уделялось военной экспансии Японии, отправившей на Дальний восток самый многочисленный контингент и ее конкуренции с США. В связи с этим, отмечалось стремление Японии установить свое господство в Приморье и Забайкалье.

Политика других стран Антанты, прежде всего Британии, рассматривалась как в рамках отдельных исследований², так и в контексте изучения совместных действия союзных держав³. В работе М.И. Светачева⁴, появившейся на исходе советского периода, комплексно рассматривается союзническая интервенция, выявляются позиции каждого из участников, их противоречия, автор выделяет две группировки США и Японию, и Англию и Францию, интересы, которых не всегда совпадали, причем отмечается, что внутри самих группировок также не было порой единства. Достаточно полно

¹ Рейхберг Г.Е. Разгром японских интервентов на Дальнем востоке (1918-1922). М., 1940; Григорцевич С.С. Американская и японская интервенция на советском Дальнем Востоке и её разгром (1918-1922 гг.). М., 1957. Лившиц С.Г. Политика Японии в Сибири в 1918 - 1922 гг. Барнаул, 1991. Подготовка и начало интервенции на Дальнем Востоке России (октябрь 1917 – октябрь 1918 гг.).

² Жигалов Б.С. Дальневосточная политика Англии в 1917-1922 гг. Томск, 1981. Лившиц С.Г. К истории английской интервенции в Сибири в 1918 г. // Вопросы новой и новейшей истории. Барнаул, 1972;

³ Светачев Л.П. Империалистическая политика «помощи» и ее роль в антисоветской интервенции в Сибири в 1918-1919 гг. // Вопросы истории Дальнего Востока. Хабаровск, 1972; Он же Внешнеполитический курс правительства автономной Сибири // Вопросы новой и новейшей истории. Барнаул, 1974;

⁴ Светачев М.И. Империалистическая интервенция в Сибири и на Дальнем Востоке (1918-1922 гг.). Новосибирск, 1983.

освещены вопросы экономической экспансии и дипломатической деятельности участников интервенции.

Уделено также внимание и идеологическому аспекту интервенции. Так, А.Г. Евтушевский в кандидатской диссертации, подверг анализу деятельность Американского Красного Креста и Христианского Союза Молодых Людей на Дальнем Востоке в 1917-1922, используя материалы периодической печати¹. Особый интерес представляет монография Е.А. Приваловой², посвященная деятельности Американского Бюро Печати в России, его тесным контактам с российской антибольшевистской прессой. На основе анализа антибольшевистских изданий, а также публикаций АБП, Привалова заключила, что АБП стремилось контролировать антибольшевистскую печать и с помощью нее воздействовать на российское общество.

В 90-е гг. начинается новый период в исследовании проблем взаимоотношений союзников и России в годы Гражданской войны. Один из основных исследователей интервенции на Дальнем Востоке М.И. Светачев в 90-х-гг. выступил против тенденциозности в освещении интервенции и в советской и в постсоветской литературе. Для объективной оценки политики интервентов автор считает необходимым учитывать тогдашнюю международную обстановку, место России в геостратегических и внешнеполитических концепциях союзных держав. М.И. Светачев утверждает, что интервенция началась еще до октября 1917 г. и говорит о комплексе интересов иностранных держав, связанных с Россией³. События

¹ Евтушевский А.Г. Идеологическая интервенция США на Советском Дальнем Востоке и борьба с ней (1917-1922 гг.) Дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 1980.

² Привалова Е.А. В союзе с белогвардейской прессой: Американское Бюро Печати в Советской России (1917-1920 годы). М., 1990.

³ Светачев М.И. Иностранные державы и революционные события в России: опыт экспорта контрреволюции // Эволюция и революция: опыт и уроки мировой и российской истории. Хабаровск, 1987; Он же. Сибирь, Антанта и политика «помощи» белым // Дальний восток России в период революций 1917 г. и гражданской войны. Владивосток, 1998; Он же. Официальная Америка и свободная Россия – 1917 год // Вестник: История международных отношений в Тихоокеанском регионе. Хабаровск, 2000. №1.

интервенции на Дальнем Востоке с учетом новых подходов подробно освещены в фундаментальном труде специалистов института Истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН¹.

Ввиду усиления интереса к белому движению в 1990-2000х гг. подверглось изучению и взаимодействие представителей белых режимов с интервентами. В связи с этим следует отметить работы Ю.Н. Ципкина², в которых проанализирован процесс взаимодействия правительственных кругов белых с интервентами. Также подвергаются рассмотрению взаимоотношения Советской России и США, и их влияние на причины и ход американской интервенции³.

Особенности восприятия событий в России дипломатами и политическим руководством США и других стран Запада, рассматриваются в монографии и статьях С.В. Листикова⁴. Кроме того, автор обращает внимание на процесс выстраивания внешнеполитического курса союзных стран в отношении России и влияние «русского вопроса» на процесс принятия решений представителями Антанты в ходе Версальской мирной конференции. Исследуется также роль российских дипломатов и политиков в подготовке интервенции⁵.

¹ История Дальнего Востока России / Под ред. Б.И. Мухачева. Владивосток, 2003. Т. 3. Дальний Восток России в период революций 1917 года и гражданской войны, кн. 1.

² Ципкин Ю.Н. Белое движение на Дальнем Востоке (1920-1922 гг.). Хабаровск, 1996. Он же. Антибольшевистские режимы на Дальнем Востоке России в период гражданской войны (1917-1922 гг.). Хабаровск, 2003.

³ Сидоров А.Ю. Внешняя политика советской России на Дальнем Востоке (1917-1922 гг.) М., 1997.; Севостьянов Г.Н. Москва – Вашингтон: На пути к признанию. 1918-1933. М., 2004; Иванян Е.А. У истоков советско-американских отношений. М., 2007.

⁴ Листиков С. В. США и Революционная Россия в 1917 году: К вопросу об альтернативах американской политики вот Февраля к Октябрю. М., 2006; Он же. Вудро Вильсон и «Белое дело»: Россия на переломе Гражданской войны и иностранной интервенции // Электронный научно-образовательный журнал «История», 2014. Т.5. Вып. 7 (30) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <http://www.history.jes.su/s207987840000837-9-1>

⁵ Листиков С.В. «Русский след» в американской интервенции // Российская история. 2012. № 5. С. 139-151; Он же. Великие державы и «русский вопрос»: Решения Версальской мирной конференции 1919-1920 гг. и их последствия // Российская история. 2011. №5. С. 15-29. Он же. Белая дипломатия о позиции США и Европейских держав по

В диссертации Н.А. Глущенко определяется степень отражения информации о Гражданской войне и интервенции в американской периодической печати. По мнению автора, анализ материалов американской печати позволяет не только расширить представления о месте и роли американской прессы в освещении истории интервенции и гражданской войны на востоке России, но и уточнить степень участия в ней США, более рельефно обрисовать их связь с антибольшевистским движением в России¹.

Также необходимо отметить работу П.Л. Нестеренко², в которой отмечается, что периодическая печать содержит весьма полные и достоверные сведения о политике власти по формированию общественного мнения в отношении интервенции, и попытках идеологического влияния союзников на общественность Сибири. Следует отметить, что диссертация в большей степени затрагивает источниковедческий аспект, вследствие чего проблемы формирования общественного мнения, особенности восприятия читателями прессы образа интервентов не раскрыты в полной мере.

В настоящий момент представители отечественной историографии все чаще обращаются к изучению массовых представлений о внешнем мире. Особое внимание исследователей вызывают разнообразные образы «чужих» – как врагов, так и союзников, формировавшиеся в обществе в периоды социальных и политических потрясений, войн и революций. Проблемы взаимного восприятия России и стран Антанты затрагивались к настоящему времени в ряде статей. Особо следует отметить исследования О.С. Поршневой, посвященные проблеме восприятия стран Антанты

вопросу о территориальной целостности России (Версальская мирная конференция 1919 г.) // Американский ежегодник. 2009. №2007. С. 280-286.

¹ Глущенко Н.А. Гражданская война и интервенция в Сибири и на Дальнем Востоке в оценках американской периодической печати (конец 1917-апрель 1920 гг.): по материалам газеты «The New-York Times»: дис. ... канд. ист. наук. 07.00.02. Томск, 2014.

² Нестеренко П. Л. Сибирская периодическая печать о взаимоотношениях правительства адмирала А.В. Колчака с союзниками: источниковедческий аспект: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09 / П. Л. Нестеренко; Томский гос. ун-т. Томск, 2000.

российским обществом в годы Первой мировой войны¹. Наиболее полные выводы автора изложены в монографии, написанной совместно с А.В. Голубевым. По мнению О.С. Поршневой отношение российского общества к союзникам неуклонно ухудшалось на протяжении мировой войны².

Интерес представляют статьи омского исследователя М.М. Стельмака, в которых на основе материалов правительственной печати прослеживается отношение Временного Сибирского правительства и Директории к союзникам. Автор отмечает стремление белых правительств, заинтересованных в поддержке Антанты, продемонстрировать на страницах газет свое единство с союзниками³.

Таким образом, можно констатировать, что, несмотря на то, что на сегодняшний момент достаточно полно изучены как проблемы, связанные с идеологией, пропагандой, деятельностью средств массовой информации белых, так и различные аспекты союзной интервенции, существует незначительное количество работ, посвященных восприятию союзников прессой и обществом Сибири и Дальнего Востока. Далеко не полностью изучен идеологический аспект союзной интервенции. Мало затронут такой вопрос как взаимодействие белых и союзников в области информационно-пропагандистской деятельности. Практически неизученной остается

¹ Поршнева О. С. Образы западных союзников в русском традиционном сознании накануне и в годы Первой мировой войны (1914 - февраль 1917 гг.) // Проблемы истории России. Екатеринбург, 2011. Вып. 9: Россия и Запад в переходную эпоху от средневековья к новому времени. С. 316-325; Она же. Эволюция представлений о союзниках в массовом сознании революционной России 1917 // Уральский исторический вестник. 2014. № 1 (42). С. 43-52.

² Голубев А.В., Поршнева О.С. Образ союзника в сознании российского общества в контексте мировых войн. М., 2012.

³ Стельмак М.М. Восприятие иностранного военного присутствия в России в отображении антибольшевистской прессы (по материалам рубрики «Печать и союзники» на страницах газеты «Сибирский вестник») // Омский научный вестник. 2014. № 3 (129). С.22-25; Он же. Директория и союзники: освещение иностранной помощи на страницах «Вестника Временного Всероссийского правительства» // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 2. С. 39-45.

проблема влияния образа союзников на формирование идеологии белого движения.

Объектом исследования являются политические режимы, существовавшие на территории востока России в годы Гражданской войны. Под политическим режимом, согласно Ж.-Л. Кермонну, понимается совокупность элементов идеологического, институционального и социологического порядка, которые способствуют формированию политического управления данной страны на известный период. **Предметом** рассмотрения данной работы является информационно-пропагандистская деятельность антибольшевистских правительств Сибири периода Гражданской войны, направленная на формирование образа стран Антанты.

Целью исследования является – реконструкция образа союзников и определение его роли и места в содержании официальной правительственной пропаганды. Реализация данной цели предполагает решение следующих **задач**:

1. Проследить эволюцию образа союзников на страницах официальной и проправительственной периодической печати Сибири и Дальнего Востока.
2. Выявить общие черты и особенности в содержании образа на разных этапах, связанных с существованием сменявших друг друга правительств: Временного Сибирского – Временного Всероссийского – Российского правительства адмирала А.В. Колчака
3. Определить связь образа союзников с рядом ключевых идей, лежавших в основе идеологии белого движения на востоке России.

Хронологические рамки работы охватывают период с мая 1918 г. по январь 1920 г. Выбор первой даты обусловлен ключевыми событиями – началом чехословацкого мятежа и падением советской власти в Сибири и на Дальнем Востоке. Тогда же начинают формироваться антибольшевистские

правительства. Вторая рубежная дата – январь 1920 г. связана с прекращением существования правительства А.В. Колчака. Таким образом, можно говорить о завершении деятельности по формированию отношения к интервентам в рамках существования антибольшевистской государственности в Сибири и на Дальнем Востоке. **Территориальные рамки** охватывают территорию Дальнего Востока, Восточной и Западной Сибири.

Методологические основы. В работе использованы такие общенаучные методы как абстрагирование, анализ и синтез, используется системный подход. Так, образ союзников рассматривается в качестве системы, включающей ряд подсистем. Одной из них являлся, например, образ Великобритании, который в свою очередь так же имел ряд подсистем. Основной функцией данной системы было взаимодействие с другой более крупной и сложной системой – общественным мнением Сибири и Дальнего Востока. За внешнюю среду рассматриваемых систем можно принять информационное пространство региона.

Применение такого метода абстрагирования как идеализация позволило выделить само понятие «образ союзников». Под образом союзников в данном случае следует понимать динамичную информационно-идеологическую конструкцию, состоящую из разнообразной по характеру, тематике и происхождению информации о странах Антанты, а также оценочных суждений. Сведения и оценки, содержащиеся в прессе, были разнообразны и зависели от множества факторов. Из всего этого складывался некий образ, тесно связанный с другими образами, мифами и идеями. Выделение образа интервентов в отдельный идеальный тип позволяет изучить его наиболее значимые черты, а также рассмотреть особенности взаимодействия данного образа с другими элементами информационного пространства.

В исследовании соблюдается принцип историзма – события и явления рассматриваются в динамике их возникновения и трансформации, с учетом особенностей и условий эпохи. Отношение к союзникам сибирской общественности менялось под влиянием ряда факторов – событий на фронтах Первой мировой войны, изменения политики союзников в отношении России, внутренней политики антибольшевистских правительств. В соответствии с этим менялся и образ союзников. Применяются сравнительно-исторический и историко-типологический методы.

При анализе образа союзников использовались некоторые теоретические положения имагологии – «междисциплинарного направления, изучающего образы-представления о «Другом», формирующиеся в процессе взаимодействия народов, государств и культур»¹.

Источниковая база исследования, сформирована на основе широкого круга опубликованных и неопубликованных документов и материалов.

Основным источником при создании данной работы выступила периодическая печать. Прессу, являвшуюся в рассматриваемый период наиболее массовым и эффективным средством передачи и распространения информации, можно рассматривать как одно из главных средств воздействия на общественное сознание. Она существенно расширила возможности пропаганды и активно использовалась в качестве средства агитации, политической и идеологической борьбы, как большевиками, так и белыми.

Кроме того, периодическая печать, относящаяся к периоду Гражданской войны в России, представляет интерес и как источник фактов, порой не содержащихся больше в других источниках, и как арена борьбы идей, различных позиций и взглядов. Следовательно, изучение общественного мнения Сибири и Дальнего Востока периода Гражданской войны невозможны без анализа материалов периодической печати.

¹ Голубев А.В., Поршнева О.С. Образ союзника в сознании российского общества в контексте мировых войн. М., 2012. С. 13.

Согласно исследованиям В.М. Рынкова, на территории Сибири и Дальнего Востока (с учетом полосы отчуждения КВЖД) в период с 1918 по 1920 гг. издавалось около 800 газет и журналов, при том, что переименование издания, перенос его в другой город, издание бюллетеня наряду с газетой фиксировалось в качестве отдельной единицы¹.

В данной работе использованы периодические издания различной политической окраски и направленности, издававшиеся на территории Сибири и Дальнего Востока в период Гражданской войны. Их следует разделить на несколько групп:

Во-первых, это **официальная, правительственная печать**. На страницах официальных газет происходило конструирование пропагандистских образов и концептуализация идей. Вместе с тем, пресса использовалась для их последующей передачи в виде пропагандистских установок. Таким образом, официальная печать дает богатый материал, для реконструкции содержания ключевых идей белого движения, в том виде, в каком их понимали идеологи антибольшевистских правительств на востоке России. В первую очередь необходимо выделить издания антибольшевистских правительств: «Сибирский вестник», «Вестник Временного Всероссийского правительства», «Правительственный вестник». Кроме того, нужно отметить официальные органы местных губернских властей: «Вестник Томской губернии» (Томск), «Алтайский вестник» (Барнаул), «Воля Сибири», «Енисейский вестник» (Красноярск) и др.

Особо следует отметить правительственные пропагандистские издания, которые в отличие от официальных «Вестников», носили скорее не информационный, а агитационный характер. Русским бюро печати

¹ Рынков В.М. Антибольшевистские политические режимы и общество: взаимодействие не информационном пространстве восточных регионов России // Контрреволюция на востоке России в период гражданской войны (1918-1919 гг.) Сб. науч. ст. Новосибирск, 2009. С. 109-110.

издавались газеты «Русское дело», «Наша газета» (Новониколаевск, Омск, Томск, Иркутск), «Родина» (Красноярск).

Отдельной категорией официальных изданий являлись военные газеты, такие как «Сибирские стрелки», «Русская армия», «Военные ведомости», «На страже свободы» и др.

Среди периодических изданий, существовавших на территории Сибири в годы Гражданской войны, заметную роль играла *партийная пресса*. Различные политические группировки и силы, входившие в состав антибольшевистского движения на востоке России, использовали прессу, с одной стороны как средство распространения отстаиваемых ими идей и программных установок, с другой – как орудие борьбы и с большевиками, и со своими политическими оппонентами внутри антибольшевистского лагеря.

Одной из таких сил, была партия конституционных демократов, печать которых являлась одним из «крупных игроков в информационно-идеологическом пространстве Сибири». В период с осени 1918 г. по конец 1919 г. кадеты имели в Сибири от 8 до 11 изданий, ежедневный общий тираж которых составлял около 20-25 тыс. экземпляров¹. Поддержав правительство А.В. Колчака, кадеты активно участвовали в формировании идеологии антибольшевистского движения. Рупорами партии кадетов в Сибири были газеты «Сибирская речь» (Омск), «Свободная Сибирь» (Красноярск), «Свободный край» (Иркутск), «Русская речь» (Новониколаевск) и ряд других. Среди либеральных, «государственно-мыслящих» изданий, следует выделить такие пользовавшиеся авторитетом газеты как «Отечественные ведомости» (Екатеринбург) и Сибирская жизнь (Томск).

Издания социалистического направления, в период «демократической контрреволюции» стремившиеся к доминированию в информационном пространстве, после прихода к власти А.В. Колчака перешли в оппозицию. К

¹ Шереметьева Д.Л. Динамика численности газетной прессы Сибири в период революции и гражданской войны // Власть и общество в Сибири в XX в. Вып.3. Новосибирск, 2012. С. 72

эсеровским изданиям относились: «Голос Народа» (Томск), «Сибирь» (Иркутск). К изданиям социал-демократов – Дело рабочего (Красноярск), «Алтайский луч» (Барнаул). Также следует отметить кооперативно-социалистическую газету «Наше дело» (Иркутск).

Еще одну группу составили кооперативные и земские издания, нередко по политической направленности близкие эсерам. Наиболее значимой газетой данного направления являлась омская «Заря». Кроме того использовались газеты, издававшиеся с подзаголовками «демократическая», беспартийная». Например, «беспартийная демократическая» газета «Эхо» (Владивосток), «общественно-политическая и литературная» газета «Приамурская жизнь» (Хабаровск) и др. Отдельно можно выделить консервативные читинские газеты «Русский Восток» и «Восточный Курьер», выступавшие в поддержку атамана Г. Семенова.

Отдельную группу источников составляют документы из фондов Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) и Российского государственного военного архива (РГВА). В работе использованы материалы следующих фондов ГАРФ: Р200 «Министерство иностранных дел Российского правительства», материалы фонда включают делопроизводственную документацию, на основе которой можно проследить процесс получения правительством информации о союзниках, а также реакцию населения и руководства антибольшевистских правительств на политику стран Антанты; Р3952 «Комиссия по организации встречи французских войск в Омске (При управлении делами совета министров Временного Сибирского Правительства)», в котором хранятся документы представляющие интерес в контексте изучения роли официальных торжеств и церемоний в формировании отношения к союзникам.

Из фондов РГВА использованы: фонд 39507 «Штаб приамурского военного округа», где содержатся делопроизводственные материалы, переписка и доклады, содержащие сведения о действиях интервентов на

территории Дальнего Востока; 40218 «Контрразведывательное отделение штаба Верховного главнокомандующего Российского правительства», содержащий донесения и переписку о деятельности американских войск и организаций на востоке России. Оценки политики союзников, содержащиеся в материалах фондов, позволяют проследить отношение военного руководства белых к союзникам.

Также в работе использованы документальные публикации, содержащие документы, относящиеся к рассматриваемому периоду, которые представляют интерес в связи с выяснением отношения населения Сибири и Дальнего Востока к интервентам.

Кроме того, в ходе исследования использовались источники личного происхождения, представленные мемуарами военных и политических деятелей белого движения в Сибири (В.Г. Болдырев, А.П. Будберг, П.В. Вологодский, Г.К. Гинс, И.И. Сукин, Н.В. Устрялов), а также воспоминаниями участников иностранной интервенции (Дж. Уорд, В.С. Грэвс). Несмотря на присущую мемуарам субъективность, они все же нередко дают ценные сведения, часто не отраженные в других источниках. Кроме того, анализ воспоминаний интервентов позволяет сравнить их сведения с содержанием прессы, нередко в мемуарах интервентов можно найти данные об отношении русского общества к союзникам, а также информацию о взаимоотношениях между интервентами, характеристики представителей той или иной союзной державы.

ГЛАВА 1. ОБРАЗ СОЮЗНИКОВ В ОФИЦИАЛЬНОЙ И ПРОПРАВительСТВЕННОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ ВРЕМЕННОГО СИБИРСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА (МАЙ-НОЯБРЬ 1918 Г.)

1.1 Общественное мнение Сибири и Дальнего Востока накануне интервенции союзников.

В ходе Великой войны официальная правительственная пропаганда стремилась сформировать у российской общественности положительный образ стран Антанты. Как отмечает О.С. Поршнева, образ «благородных» союзников, «защитников общего справедливого дела», сложившийся на начальном этапе войны, к концу 1916 г. трансформировался в образ «корыстных» союзников, стремившихся за счет России достигнуть своих целей. Причинами тому послужили усталость от войны, падение популярности царского правительства, накопление внутренних проблем¹. События Февральской революции, на фоне успехов союзных войск и вступления в войну Америки, привели к распространению идеи революционного оборончества и выражению чувств солидарности с союзниками. Однако к осени 1917 г. в сознании широких слоев населения, прежде всего рабочих и солдат, союзники стали рассматриваться как нечто враждебное и представлявшее собой «сначала неотъемлемый атрибут ненавистной царской дипломатии и политики, а затем – классовой политики российской и мировой буржуазии». В сознании масс укоренилось мнение, что союзники стремятся использовать Россию и ее народ только лишь для собственных интересов².

¹ Поршнева О. С. Образы западных союзников в русском традиционном сознании накануне и в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 гг.) // Проблемы истории России. Вып. 9: Россия и Запад в переходную эпоху от средневековья к новому времени. Екатеринбург, 2011. С. 323.

² Поршнева О. С. Эволюция представлений о союзниках в массовом сознании революционной России 1917 // Уральский исторический вестник. 2014. № 1 (42). С. 50.

Приход к власти большевиков и их внешнеполитические инициативы, связанные с заключением сепаратного мира с Германией заставили страны Антанты активизировать свою политику в отношении России. Выход России из войны, позволявший Германии усилить натиск на Западном фронте, не отвечал интересам союзников. Кроме того, правящие круги стран Антанты и США беспокоила судьба капиталов и имущества, ввезенных в Россию в довоенные и военные годы. Также не могла не вызывать опасений нацеленность большевиков на разжигание «революционного пожара» по всему миру¹.

Необходимо отметить, что недовольство союзниками в российском обществе все же не было повсеместным. Представления о необходимости сохранять верность Антанте, имели место, прежде всего, среди политических оппонентов большевиков, стоявших на оборонческой платформе – кадетов и правых эсеров. Так, начало переговоров большевиков и немцев о мире сибирские кадеты расценивали как предательство по отношению к странам Антанты. «Этим объявлена война нашим сородичам сербам, французам, англичанам, итальянцам, американцам, японцам, китайцам, португальцам и прочим», – писала красноярская газета «Свободная Сибирь»². Отмечалось при этом, что союзники, «стремясь наказать нарушившего слово товарища», начнут войну против России³. Данные опасения, впрочем, были не столь далеки от реальности.

С 29 ноября по 3 декабря 1917 г. в Париже проходила очередная союзническая конференция, в повестке которой одним из основных был «русский вопрос». Уже тогда начальником французского генштаба Ф. Фошем был предложен план, подразумевавший участие американско-японского контингента в интервенции в России с целью восстановления Восточного

¹ Листиков С.В. «Русский след» в американской интервенции // Российская история. № 5. 2012. С. 139.

² Новая война // Свободная Сибирь (Красноярск). 1917. 24 ноября.

³ Переговоры о мире // Там же. 19 ноября.

фронта, где остатки русских сил, верные Антанте, продолжили бы войну с Германией, при поддержке союзников¹. Однако переговоры о необходимости и возможности вторжения в Россию затянулось почти на полгода. Сложная, запутанная ситуация в России, а также надежды руководства стран Антанты на вероятность установления контактов с большевиками с целью сотрудничества против Германии, сдерживали союзников от военного вмешательства. Кроме того, союзники не располагали значительными силами, которые можно было бы использовать для операции в России. Единственной страной, способной отправить многочисленный контингент, была Япония. Однако возможность единоличной интервенции японцев вызывала беспокойство со стороны других стран-участниц коалиции, особенно США, боявшихся усиления позиций страны восходящего Солнца на Дальнем Востоке. В задачи данной работы не входит подробное рассмотрение причин, подготовки и хода союзной интервенции в Россию. Данным проблемам посвящено множество работ, как зарубежных, так и отечественных исследователей.

Необходимо лишь отметить, что на этапе обсуждения странами Антанты в январе-июне 1918 г. возможной интервенции в Россию основные противоречия между участниками, были связаны с такими вопросами как: состав и количество сил участников; выбор среди противостоящих большевикам группировок для дальнейшей поддержки; формальный повод для вмешательства и возможные районы высадки союзных войск; сроки начала вторжения.

В январе 1918 г. в порту Владивостока появились британский, американский и японский военные корабли, что стало первым явным шагом союзников на пути к интервенции в Россию. Японский генеральный консул в ноте председателю Приморской областной земской управы заявлял, что

¹ Светачев М.И. Империалистическая интервенция в Сибири и на Дальнем Востоке (1918-1922 гг.). Новосибирск, 1983. С. 21.

прибытие военных судов связано исключительно «с целью защиты своих подданных», а императорское правительство «нисколько не намерено вмешиваться в вопрос о политическом устройстве России»¹. В ответ управа выразила протест, заявив, что местная власть способна выполнить свою прямую обязанность по защите всех лиц проживающих на территории России. Также указывалось на то, что помещаемые в газетах России и Сибири «массовые ложные слухи» и телеграфные сообщения, об оккупации иностранцами Владивостока «крайне волнуют» российских граждан и это мешает сближению русского и японского народов².

Примером подобных слухов являлось, например, сообщение иркутской газеты «Свободный край», которая ссылаясь на японскую газету «Осаки Маиники», сообщала о якобы согласованной с американцами оккупации японцами города, вызванной необходимостью подкрепления инженерных частей, заведующих гаванью и ж.-д. станцией. Выступление являлось «актом самообороны против анархии», грозящей японским жителям Владивостока³. Подобные слухи были инспирированы самими японцами с целью выяснения реакции западных держав на возможную одностороннюю интервенцию Японии⁴. Официально же японское правительство заявляло о полной абсурдности подобных сообщений, подчеркивая, что возможность высадки десанта исключена⁵.

Как можно заметить, японцы обосновывали приход кораблей и даже мнимую высадку десанта наличием опасности для японских граждан, проживающих на Дальнем Востоке. В связи с этим японские газеты старались соответствующим образом изобразить обстановку в регионе. Например, «Владиво-Ниппо» – орган японской колонии во Владивостоке –

¹ Борьба за власть советов в Приморье (1917-1922). Сборник документов. Владивосток, 1955. С. 66.

² Там же. С. 67

³ Оккупация японцами Владивостока // Свободный край (Иркутск). 1918. 11 янв.

⁴ Светачев М.И. Указ. соч. С. 296.

⁵ Японское правительство о десанте во Владивостоке // Там же. 16 янв.

писала о «воровстве, разбое, всеобщей забастовке, прекращении торговли, недостатке съестных припасов»¹ давая понять, тем самым, что необходим ввод японских войск для устранения проблем. О беспокойной ситуации в городе писала и русская пресса. Владивостокская газета «Голос Приморья» в январе 1918 г. отмечала, что необходимо спешно решать проблемы безопасности в городе, так как промедление «грозит вмешательством иностранцев, что хуже всего»².

Отрывочные, противоречивые сведения о политике союзников в отношении России, зачастую доходившие до сибирских и дальневосточных газет окольными путями, будоражили общественное мнение, порождая сплетни и слухи. Необходимо отметить, что политические слухи играли огромную роль в формировании общественного мнения в рассматриваемый период. Как отмечает Б.И. Колоницкий, в годы мировой войны различные слухи распространялись среди всех слоев населения. Люди, зная о цензурных ограничениях, верили сплетням больше, чем газетам. Вместе с тем, «в самых широких слоях населения была уже сформирована устойчивая привычка к регулярному чтению прессы и постоянному получению новостей». В результате, возникала парадоксальная ситуация – «пресса пользовалась ажиотажным спросом, но ей не верили». Распространяемые газетами сведения, измененные цензурой, порождали волны новых слухов³. В период революционных потрясений и Гражданской войны данная тенденция лишь усилилась.

Появление союзнических кораблей еще больше беспокоило местную прессу, которая неоднозначно отнеслась к данному визиту. Газета «Далекая окраина» негативно восприняла приход крейсеров. По словам издания, «если страна больна, а народ еще не пережил роковой болезни роста, это не значит

¹ Точка над і // Голос Приморья (Владивосток). 1918. 28 янв.

² Безопасность в городе // Голос Приморья (Владивосток). 1918. 26 янв.

³ Колоницкий Б.И. «Трагическая эротика»: образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М., 2010. С. 23-24.

еще, что он становится пустым местом». «Наш тяжелый спор, – подчеркивал автор, – все же наш спор...», «и никто чужой не имеет права вмешиваться, поэтому совершенно недопустимо появление военного корабля самовольно вставшего у входа в народную душу»¹.

Появлялись и новые слухи о возможном вторжении союзников, «идущие из самых достоверных источников». Сообщалось, например, о том, что союзники собираются «предъявить требование о выводе из Владивостока русского гарнизона». Следующий шаг – открытие порто-франко. По другой версии «Америка и Япония озабочены распространением своего влияния на сибирскую магистраль в целях посылки японских и китайских войск против Германии. В виде компенсации Япония претендует на Уссурийский край»².

Вместе с тем, благодаря появлению иностранных кораблей, обладавших мощными радиостанциями, информационное обеспечение дальневосточных газет улучшилось. Так, в «Голосе Приморья» появились колонки под заголовками «Радиограммы крейсера “Асахи”» и «Радиограммы крейсера “Суффолк”», в которых публиковалась информация о состоянии дел на Западном фронте, внутреннем положении стран-участниц войны, взаимоотношениях союзников и их политике по отношению к России.

Сведения об обсуждении в правительственных кругах стран Антанты и США возможности интервенции, доходили до сибирской и дальневосточной прессы. Касаясь данного вопроса, пресса на основе доступной информации стремилась отразить взаимоотношения союзников по поводу возможного состава сил интервенции, ее целей и степени вмешательства в русские дела. Отмечалось, что в возможной интервенции весьма значительную роль может сыграть Япония. Красноярская «Свободная Сибирь», в связи с этим сообщала, что правительство Японии в случае нарушения мира и порядка на

¹ Стыд за чужих // Далекая окраина (Владивосток). 1918. 17 янв.

² Приамурская жизнь (Хабаровск). 1918. 21 янв.

Дальнем Востоке, во избежание ущерба своих интересов, не задумываясь, примет необходимые меры¹.

Однако не только отсутствие правопорядка, создававшее угрозу для иностранных граждан, рассматривалось в качестве повода к вмешательству союзников в русские дела. Куда более весомым аргументом в пользу интервенции являлись сведения об усилении влияния Германии на востоке России. Дальневосточные газеты, ссылаясь на иностранные источники, сообщали о том, что большевики не контролируют лагеря военнопленных и германские военнопленные, одетые в форму «ходят без малейшего присмотра»². Более того, согласно данным союзников, большевики вооружали германских и австрийских военнопленных и использовали их в боях против своих противников. Как отмечали российские корреспонденты, со страниц японской печати не сходили сообщения о том, что «немцы открывают против Дальнего Востока и Японии громадную кампанию», используя для этого шпионов, центром деятельности которых являлся Иркутск³.

Заключение Брестского мирного договора 3 марта 1918 г. рассматривалось противниками советской власти, как неоспоримое свидетельство того, что большевики являлись «германскими агентами», «предателями», открывавшими дорогу для немецкого вторжения в Сибирь. Проблема «германской угрозы» давала повод некоторым газетам делать неутешительные прогнозы. Благовещенская газета «Амурское эхо» выражала мнение, что «тревога японцев насчет германских шпионов может иметь нехорошие последствия для нас» [России – К.К.]. Необходимо отметить, что возможное развязывание интервенции зависело, по мнению автора статьи, от общественного мнения Японии, «которое уже требует от правительства немедленной активности в отношении России» и, под давлением которого

¹ Свободная Сибирь (Красноярск). 1918. 30 янв.

² Телеграммы из заграничной прессы // Амурское эхо (Благовещенск). 1918. 1 янв.

³ Россия и Япония // Там же. 17 февр.

«Япония не только станет рассматривать всех русских как кандидатов в концентрационные лагеря», но и может захватить добытые революцией завоевания. Следовательно, по словам автора, разраставшиеся, благодаря большевикам, анархия и разруха, ведущие к проникновению шпионов в Сибирь, приближали японскую опасность¹.

На страницах газеты «Голос Приморья» в марте 1918 г. выражалась надежда, на то, что Япония все же не встанет на путь «враждебный интересам России», поскольку, по мнению автора статьи Новикова-Сибирского, сохранение России в качестве фактора международного равновесия – «есть прямой интерес Японии»². Ссылаясь на ряд телеграмм, свидетельствовавших о трудностях соглашения о японской интервенции, во многом, ввиду «ревности США и Китая к предоставлению свободы действий Японии», газета «Приамурская жизнь» делала вывод: «выступление наших соседей – вопрос далеко не решенный и пока еще поводов к беспокойству нет», «если возможность выступления и не исключена, она вне зависимости от наших внутренних дел»³.

Версия «германской угрозы», вместе с тем, подвергалось, некоторыми журналистами сомнению. Сотрудник владивостокской газеты «Далекая окраина» К. Пыльников, сопровождая обзор японской прессы своим комментарием, вопрошал – неужели Германия через три года войны, остается «настолько страшной», чтобы игнорируя массу союзных войск на Западе, ринуться на Дальний Восток, ввиду полного расстройства российских путей сообщения. «Большинство пленных, – отмечал К. Пыльников, – после заключения мира вернется домой [...], какого врага должна будет искать Япония (вызываемая союзниками на решительные действия в Сибири), отрицавшая всегда вмешательство во внутренние дела соседей?!»⁴.

¹ Россия и Япония // Амурское эхо (Благовещенск). 1918. 17 февр.

² Россия и Япония // Голос Приморья (Владивосток). 1918. 8 марта.

³ Приамурская жизнь (Благовещенск). 1918. 15 марта.

⁴ Японцы // Далекая окраина (Владивосток). 1918. 19 марта.

Газета «Голос Приморья» несмотря на свое недружелюбие к большевикам представляла читателям и советскую точку зрения по поводу германской угрозы, согласно которой, информация о вооружении пленных и оккупации ими сибирской магистрали являлась «сплошным вымыслом»¹.

Следует отметить, что руководство союзных стран имело возможность получить сведения о положении пленных в Сибири. В марте 1918 г. представитель Американского Красного Креста Уэбстер и капитан британской армии Хикс провели обследование лагерей военнопленных в Восточной Сибири. Они пришли к выводу, что слухи о немецком фронте в Сибири «были лишь формой пропаганды, направленной к тому, чтобы повлиять на США в вопросе о военных мероприятиях»². Однако Госсекретарь США Р. Лансинг и другие чиновники Госдепа США «усиленно подталкивали консулов в Сибири и на Дальнем Востоке к поискам «фактов», подтверждавших существование «немецкой опасности», и не давали хода донесениям, содержащим противоположные наблюдения»³.

Слухи о мнимом «германском вторжении», таким образом, приближали вполне реальную интервенцию союзников. В речи на закрытии сессии японского парламента премьер и министр иностранных дел Японии, вновь упоминая о германской опасности, заявляли, что империя в случае угрозы ее «жизненным интересам» примет «решительные и соответствующие обстоятельства меры»⁴. Объяснение вмешательства необходимостью оградить японские интересы от германской опасности, по мнению газеты «Голос Приморья», «указание довольно неопределенное и, само собой разумеется, что в каждую минуту нашего распада и хаоса японцы могут найти достаточные мотивы к подобному выступлению». Утверждения

¹ К вопросу об оккупации // Голос Приморья (Владивосток). 1918. 10 марта.

² Грэвс В. Американская авантюра в Сибири. М., 1932. С. 21.

³ Фоминых С.Ф. К истории интервенции и гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке. Критический анализ американской дипломатической переписки как исторического источника. Томск, 1988. С. 54.

⁴ Японские министры о событиях в России // Голос Приморья (Владивосток). 1918. 30 марта.

японцев о том, что они не преследуют захватных целей, по мнению газеты «вносят успокоение за конечные цели вмешательства», но как следовало из статьи – «положение остается серьезным... и, очевидно, предотвратить оккупации мы ни в каком случае не можем»¹.

Как можно видеть, часть общественности Дальнего востока отдавала себе отчет в том, что хаос, отсутствие правопорядка и единой власти в стране побуждали ближайших соседей к активным действиям в России, в то время как слухи о немцах – лишь формальный повод для вмешательства. При этом, несмотря на то, что большинство изданий в целом, положительно относились к союзникам, возможная интервенция вызывала серьезные опасения. Отмечалось, что «в процесс воссоздания из обломков правопорядка менее всего должны мешаться иностранцы, ибо это вмешательство может лишь затянуть процесс оздоровления»².

«Обезопасить всякого рода интервенцию могла только солидарность русской общественности», писал С.П. Мельгунов. К ней призывал Г.Н. Потанин в своем известном обращении к Сибири 13 (26) марта: «Сибирь в опасности. С Востока в ее пределы вступают иностранные войска. Они могут оказаться нашими союзниками, но могут также отнестись к нашим общественным интересам совершенно своекорыстно; это будет зависеть от того, как сибирское общество проявит себя в этот роковой момент». Почетный гражданин Сибири призывал «отбросить на время в сторону политические лозунги, которые разъединяют нас, и соединиться исключительно на почве интересов Сибири»³. В дальнейшем, тема необходимости единства российского общества перед лицом иностранного вмешательства станет лейтмотивом, как правительственной риторики, так и партийной.

¹ Политическое положение // Голос Приморья (Владивосток). 1918. 31 марта.

² Мы и союзники // Там же. 23 марта.

³ Цит. по: Мельгунов С.П. Трагедия адмирала Колчака. М., 2004. Кн.1. С. 123.

Первые контингенты союзных войск появились во Владивостоке 5-6 апреля 1918 г., как полицейская мера в ответ на убийство в городе японских подданных. Высадка британских и японских морских пехотинцев, стоявших на рейде кораблей, в очередной раз взбудоражила общественное мнение и наполнила город и край слухами, несмотря на то, что командующий японской эскадрой поспешил заявить о том, что войска введены для защиты жизни и имущества подданных империи, и не направлены против интересов России¹.

Либеральный «Голос Приморья» тут же откликнулся на десант, напечатав статью с пессимистичным названием «Начало конца», где подчеркивалось, что в высадке японцев виноваты «розовые социалисты, засевающие в Гор. Думе и их друзья из совдепа и красной гвардии», которые допустили спровоцировавшие японцев убийства и грабежи в городе². В дальнейшем газета, говоря о десанте, все больше критиковала местный совет и социалистов. Новиков-Сибирский – постоянный автор «Голоса Приморья», обращаясь к национальной гордости читателя в очередной статье, заявлял, что высадка десанта фактически означает утрату русскими власти над крепостью Владивосток. Лишь отказ советов от притязаний на власть и сосредоточение ее в руках земства, а также четкое определение «с кем мы [Россия – К.К.] идем с германцами или союзниками» позволило бы, по мнению автора, восстановить утраченный суверенитет³.

Пытаясь спрогнозировать сложившуюся ситуацию, автор статьи «Оккупация Сибири» В. Мукосеев заключал – «бесхозяйственное положение России, на которую смотрят враги и друзья как на выморочное имущество, заставляет строить самые мрачные предположения». При этом вновь поднималась проблема власти. «Удастся России в ближайшее время построить сильную власть – многое в оккупации изменится к лучшему, –

¹ Высадка иностранного десанта // Голос Приморья. (Владивосток). 1918. 6 апр.

² Начало конца // Там же. 6 апр.

³ Десант // Там же. 9 апр.

рассуждал автор, – не удастся – нужно думать, она таит в себе весьма тяжкие последствия»¹.

Газета «Далекая окраина» также восприняла десант весьма пессимистично, назвав 5-е апреля «днем национального горя» и «живым напоминанием о существовании грубых аннексионистских планов», и также призывала совет передать «бремя управления» «истинным органам власти» – земствам и думам².

Как сообщалось в советских телеграммах, положительно восприняли десант представители буржуазии и «все темные силы», однако, по словам собственного корреспондента газеты «Приамурская жизнь» реакция населения была противоречивой. Радовались и солдаты, и рабочие, и «буржуи», «выбитые сумбуrom русской жизни из колеи, не разбирающиеся в том, что творится вокруг». Но подавляющее большинство, – отмечал корреспондент, – остались совершенно равнодушными. Спокойствие этих «граждан-свистунов» больше всего и беспокоило репортера поскольку, по его мнению, «на фоне этого «свистунского» настроения иностранный штык способен разрисовать самые причудливые и неожиданные узоры»³.

Высадка англо-японского десанта, однако, не стала началом масштабного выступления союзников на Дальнем Востоке. Тем не менее, внимание прессы, к союзникам и их политике в отношении России только возрастало. Особый интерес проявляли дальневосточные издания, которые публиковали телеграммы и заметки, сообщавшие часто отрывочные сведения о переговорах и возникающих в ходе них противоречиях между союзниками по тому или иному вопросу, касающемуся интервенции.

Наряду с сообщениями о «принципиальной согласии» США с позицией Англии, Франции, Италии в вопросе о японском выступлении в

¹ Оккупация Сибири // Там же. 11 апр.

² Десант и наши задачи // Далекая окраина (Владивосток). 1918. 7 апр.

³ Приамурская жизнь (Хабаровск). 1918. 9 апр.

Сибири¹ об одобрении Америкой японского десанта и рассмотрении его как «удачной меры»², появлялась информация о том, что разногласия по поводу выступления существовали и в «самой Японии»³, а Америка отрицательно относилась к японскому выступлению⁴. Следует отметить, что особый интерес для прессы представляла тема японо-американских противоречий. Это касалось как разногласий в вопросах «русской политики», так и соперничества в Тихоокеанском регионе.

Обращаясь к теме американо-японских взаимоотношений, и откликаясь на десант во Владивостоке хабаровская «Приамурская жизнь» отмечала, что «во взаимной политической сваре» россияне не желают и не могут видеть «грозного меча, зависшего над всей Россией», и возлагала все надежды «на энергичную защиту нашей беззащитной родины заокеанской республикой». Газета не строила иллюзий, отмечая, что США даже если и окажут помощь то не из-за «любви и сочувствия к нам, а из-за борьбы их собственных интересов с интересами Японии»⁵.

Положение Дальнего Востока сравнивалось с состоянием «больного человека» – Турции, – Россия так же слаба, но на нее зарятся не одни японцы, «за их попытками прибрать лакомый кусок зорко и ревниво следит «дядя Сэм». В этом соперничестве редакция газеты видела «наше спасение», так как «Япония не рискует пойти на открытый конфликт с США, хотя и давно назревающий»⁶. Подчеркивалось, таким образом, что чрезвычайно важно было бы воспользоваться противоречиями между Америкой и Японией и затянувшимся обсуждением вопроса об интервенции, для

¹ Призыв (Харбин). 1918. 8 апр.

² Голос Приморья (Владивосток). 1918. 14 апр.

³ Там же. 3 апр.

⁴ Приамурская жизнь (Владивосток). 1918. 24 марта.

⁵ Приамурская жизнь (Хабаровск). 1918. 6 апр.

⁶ Там же. 17 апр.

создания авторитетной для всех власти, «дабы не оставалось формальных оснований для дальнейшего пребывания десанта»¹.

Дальневосточная пресса обращала пристальное внимание на различные факты относительно американской и японской политики на Дальнем Востоке. В одной из публикаций редакция газеты «Голос Приморья» приводила целую подборку сведений об американских планах и начинаниях в Сибири из японских и английских источников – например, отмечалось что Америка, считающая единственным своим соперником Японию, не упустила ни одного случая, чтобы одержать верх над ней в Сибири; также сообщалось, что, по мнению японцев, русские газеты, ежедневно комментируя действия Америки и Японии, стараются посеять среди русского народа чувство симпатии к американцам и неприязни к японцам².

Интерес в связи с этим представляет статья «Почему мы должны сближаться с Америкой», опубликованная в той же газете. Ее автор, отвечая на, поставленный в заголовке вопрос, утверждал, что Россия схожа с Америкой природными условиями, ей предстоит пройти ту же часть экономического пути, которую США уже прошли. К тому же, по словам автора, – Америка стремится к прочным взаимовыгодным экономическим отношениям, и что самое главное – «подходит к России без всякой задней мысли»³. Таким образом, можно видеть, что отдельные авторы пытались повлиять на общественное мнение, и в преддверии уже вполне ожидаемой интервенции сформировать отношение к той или иной державе-представительнице союзников.

К моменту ликвидации власти большевиков в Сибири и на Дальнем Востоке в мае-июне 1918 г. общественность востока России имела достаточно размытые представления о союзниках и их политике в отношении России. Наибольшую актуальность тема союзников имела в дальневосточной

¹ Там же. 11 апр.

² Голос Приморья (Владивосток). 1918. 4 мая.

³ Там же. 18 мая.

печати, находившейся в центре событий, и имевшей доступ к заграничной информации. Отношение к Антанте не было однозначно положительным или отрицательным. Симпатии к союзникам, выражавшиеся на страницах газет были по сути, «наследием» пропаганды периода Первой мировой войны, а также основывались на рассуждениях авторов статей о выгодах сотрудничества с той или иной страной. Несмотря на противоречивость поступающей информации о политике союзников, уверенность в том, что интервенция состоится, возрастала. Это, в свою очередь, служило причиной возникновения вполне обоснованных опасений насчет конечных целей союзного вмешательства.

В данный период на страницах либеральной и левой прессы были сформулированы основные идеи, которые впоследствии были взяты на вооружение официальной пропагандой антибольшевистских правительств. В самом общем виде их можно выразить так: большевики – союзники и пособники немцев; единство российского общества обеспечит равные, партнерские отношения с союзниками.

Обилие отрывочных и противоречивых сведений о союзниках, различного рода слухов сыграло важную роль в создании особой атмосферы, сочетавшей в себе ожидания скорейшего прихода союзников и, вместе с тем, страх перед интервенцией. Пресса обращала внимание на существовавшие в настроениях общества две, казалось бы, взаимоисключающие тенденции. Например, корреспондент газеты «Приамурская жизнь» в апреле 1918 г. сообщал из Владивостока, что граждане «успели приглядеться к иностранным штыкам», и «можно наблюдать апатичное настроение, которое продолжает царить среди широких слоев населения». «Вдумчивого отношения к свершившемуся факту, умения разобраться в положении не встретишь», все продолжают спорить и бичевать друг друга. Таким образом, отмечалось, что общество в целом индифферентно относится к присутствию вооруженных иностранцев.

С другой стороны, подчеркивалось, что в результате появления десанта прибавилось сплетен и слухов «из самых достоверных источников», которым верят «любители острых ощущений», в результате чего в городе без достаточных оснований нарастало тревожное настроение¹. Отрицательную роль сенсационных, но недостоверных сообщений, которые попадали и в российскую и в зарубежную печать «по недоразумению или ошибке, но в то же самое время успевали возбуждать и волновать публику, наталкивая ее на преждевременные и искусственные решения», подчеркивал и обозреватель «Далекой окраины» К. Полынов². Барон А.П. Будберг, находясь в Харбине в июле 1918 г., нелестно отзывался о местной печати, отмечая, что «местные борзописцы» публикуют «слишком много сенсаций», и «изошряются в фабрикации самых розовых известий»³.

Обилие слухов и нарастающий хаос заставляли людей склоняться к мысли, что появление союзных войск, обеспечит порядок и безопасность на территории России, увязавшей в гражданской войне. В июне «Приамурская жизнь», характеризуя ситуацию в Забайкалье отмечала, что в результате голода, «поножовщины», деятельности семеновцев население края охватило «нравственный маразм», «люди утратили понимание самых элементарных истин» и «совершенно равнодушно относятся к грядущей опасности с востока». Больше того, «не по дням, а по часам росла тоска по «варягам», безотносительно к тому, что эти варяги могут дать»⁴.

Тогда же в июне «Далекая окраина» писала – «город полон тревожных слухов, которые с каждым днем множатся и ширятся. Подхваченные взвинченным воображением обывателя, застрявшего в трясине российской неразберихи, они принимают поистине фантастический характер». Вместе с

¹ Приамурская жизнь (Хабаровск).1918. 10 апр.

² Японцы // Далекая окраина (Владивосток).1918. 6 апр.

³ Белое дело: Избранные произведения в 16 книгах. М., 2003. Кн. 14. Будберг А.П. Дневник. Часть первая. С. 259, 269, 276

⁴ Вести из Забайкалья // Приамурская жизнь (Хабаровск). 1918. 9 июня.

тем, газета отмечала, что «несомненно, выступление союзников в Сибири состоится и что к этому событию мы менее всего подготовлены»¹.

Майор французской армии Пишон в своем докладе также отмечал, что население Сибири весьма лояльно относится к возможной интервенции – «вмешательство ни в ком из русских не оскорбит национального самолюбия», а многие, по его словам, даже спрашивали «почему мы так медлим с интервенцией». Из всех союзников, по мнению Пишона, наибольшую антипатию общественность Сибири проявляла к японцам².

Таким образом, наличие в обществе ожиданий и симпатий, связанных с союзниками, в дальнейшем облегчало процесс формирования положительного образа Антанты. В то время как опасения и страхи, относительно интервенции, могли обернуться реальным и обоснованным недовольством в случае их подтверждения. Как показала практика, обе тенденции впоследствии реализовались в полной мере.

1.2 Начало интервенции стран Антанты и формирование образа союзников в официальной и проправительственной печати (май-ноябрь 1918 г.).

В ходе чехословацкого мятежа, начавшегося 25 мая 1918 г. и выступлений российских антибольшевистских формирований советская власть в Сибири и на Дальнем Востоке была свергнута. 29 июня чехи при поддержке союзных кораблей ликвидировали советскую власть во Владивостоке. В городе были вновь высажены десанты – английский и японский, затем китайский и американский. События в России вынуждали союзников действовать. Включение чехов в борьбу между большевиками и их противниками, давало повод для вмешательства под предлогом «помощи»

¹ Будьте гражданами // Далекая окраина (Владивосток). 1918. 9 июня.

² Союзническая интервенция на Дальнем востоке и в Сибири. Доклад Пишона. М, 1925. С 22-23.

чешским и словацким частям. В июне-июле 1918 г. страны Антанты и США активно вели переговоры о составе сил интервенции на Дальнем Востоке¹.

В Западной Сибири власть перешла к уполномоченным Временного Сибирского правительства: М.Я. Линдбергу, Б.Д. Маркову, П.Я. Михайлову и В.О. Сидорову, которые представляли правительство, сформированное еще в январе 1918 г. во время тайного совещания делегатов Сибирской областной думы². Новая власть была крайне заинтересована в скорейшем приобретении поддержки, как со стороны населения, так и со стороны держав. Одной из своих задач Западно-Сибирский Комиссариат провозглашал «предотвращение вторжения в Сибирь с востока путем возобновления дружественных отношений с союзными странами»³. Данное заявление свидетельствует об опасениях Комиссариата не только по поводу большевиков и стоявших, якобы за их спиной немцев, но и по поводу возможных угроз со стороны бывших союзников России. Выступая против большевиков, Комиссариат, подчеркивал тем самым свою лояльность Антанте и стремился выступить в глазах населения Сибири в качестве защищающего интересы страны и народа правительства.

Эсеровский по своему составу Комиссариат придерживался, по сути, рамок резолюции 8-го Совета партии эсеров, состоявшегося 20-27 мая в Москве. Согласно этой резолюции, союзные войска призывались в Россию для борьбы с Германией с оговоркой – «помощь союзников может быть

¹ О подготовке и ходе интервенции подробнее см. Светачев М.И. Империалистическая интервенция в Сибири и на Дальнем Востоке (1918-1922 гг.). Новосибирск, 1983.

² О Сибирской областной думе и формировании Временного Сибирского правительства подробнее см.: Шишкин В.И. Первая сессия Сибирской областной думы (январь 1918 г.) // История белой Сибири: сборник научных статей. Кемерово, 2011. С. 54-61. Шиловский М.В. Политические процессы в Сибири в период социальных катаклизмов 1917–1920 гг. Новосибирск, 2003. С. 183-188. Шишкин В.И. Западно-Сибирский комиссариат Временного Сибирского правительства: дискуссионные вопросы организации и деятельности // Проблемы истории государственного управления и местного самоуправления Сибири в конце XVI – начале XXI в. Материалы VII Всероссийской научной конференции (Новосибирск, 6–8 июня 2011 г.). Новосибирск, 2011. С. 103-119.

³ Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Пекин, 1921. Т.1. С. 86-87.

принята в такой форме и при таких условиях, которые ни в чем бы не нарушали территориальной независимости и суверенитета России...»¹.

Вскоре Западно-Сибирский Комиссариат передал властные полномочия Временному Сибирскому правительству, председателем Совета министров, которого являлся П.В. Вологодский. Официальными причинами перехода власти, являлись, по словам Г.К. Гинса, недостаточная авторитетность Комиссариата и «неопределенность его полномочий, особенно в области внешней политики». В связи с этим Г.К. Гинс упоминал заявление майора Гине – французского представителя при чехословацком корпусе, в котором тот приветствовал и благодарил чехословацкие части за восстановление русского фронта, «направленного против врагов России», «врагов союзников», «врагов права и справедливости, т.е. против немцев».

Согласно воспоминаниям Г.К. Гинса, майор высказывался «в таком тоне, как будто русских вовсе больше не существует и союзники могут распоряжаться на русской территории, делая, что им угодно». Вследствие чего, «защита достоинства возрождающегося государства, требовала сильной и полномочной власти»². Причиной недовольства, видимо, послужили слова француза о том, что «цвет русского народа» принимает слабое участие в боях на русском фронте, восстановленном чехами.

Телеграмма Гине попала местную печать, и была воспринята как «великая новость». Приветствия французского майора, были интерпретированы кадетской газетой «Сибирская речь» как свидетельство того, что чехословацкие войска действовали «не на свой страх и риск», а являлись «посланцами великой и могучей, дружественной России союзнической воли». Редакция газеты обращалась к читателям со следующим призывом: «мы должны слиться в военном порыве, в помыслах о необходимости обороны от германского завоевания с нашими союзниками.

¹ Головин Н.Н. Российская контрреволюция в 1917-1918 гг. Париж, 1937. Ч. 3. Кн. 7. С. 121-122.

² Гинс Г.К. Указ соч. Т.1. С. 97.

Мы должны утвердить порядок в нашей собственной жизни и делах в Сибири»¹.

Временное Сибирское правительство в своей декларации от 4 июля 1918 г. объявляло Сибирь независимой, провозглашая «полную свободу независимых сношений с иностранными державами». В то же время правительство полагало необходимым направить все свои усилия «к воссозданию российской государственности»². Официальная риторика, как Комиссариата, так и Временного Сибирского правительства строилась при помощи актуализации одновременно нескольких уровней идентичности – региональной сибирской и национальной общероссийской или гражданской.

Такой подход был обусловлен тем, что Временное Сибирское правительство, встало перед задачей убеждения населения Сибири не только в своей легитимности, но и в необходимости борьбы против большевиков. Еще в конце июня Западно-Сибирский Комиссариат, в воззвании к крестьянам, призывал их сражаться «против германцев и мадьяр», говоря, прежде всего, о необходимости защищать собственный дом. «Если у вас не будет мужества защищать свободу и родные места, с Сибирью будет то же, что с Западной Россией, находящейся под ярмом германских хищников, – заявляли члены комиссариата, – вам как беженцам, придется искать приюта, и приют найти негде будет»³.

Кроме того, официальная и проправительственная печать, стремилась сформировать и несколько уровней наднациональной идентичности. Один подразумевал осознание принадлежности к сообществу славянских народов («Мы – братья-славяне»). Наиболее ярко это прослеживается на примере формирования положительного образа чехов и словаков. Другой уровень –

¹ Великая новость // Сибирская речь (Омск). 1918. 29 июня.

² Декларация Временного Сибирского правительства // Сибирский вестник (Омск). 1918. 6 авг.

³ Западно-Сибирский комиссариат Временного Сибирского правительства (26 мая - 30 июня 1918 г.) : сборник документов и материалов. сост. и науч. ред. В. И. Шишкин. Новосибирск, 2005. С. 148-149.

принадлежность к сообществу «культурных европейских народов» («Мы – европейцы»)¹.

«С самого начала их (большевиков – К.К.) появления у власти, Россия выбыла из круга цивилизованных государств, была выброшена из великого сообщества, образующих международное мнение народов» – писал лидер омских кадетов В. Жардецкий. Характеризуя население Европейской России как «взбесившийся голодный зверинец», В. Жардецкий говорил о необходимости «укротить и накормить» его, тогда они станут «людьми и, может быть, впоследствии, гражданами». «Укротитель придет с запада в каске с ружьем и с плеткой, но без хлеба. Это враг. Он может прийти с востока, прежде всего с хлебом и товарами, с горячечной рубашкой. Это друг. Это русские же братья в Сибири и союзные народы коалиции»². Таким образом, воедино связывались необходимость противодействия немцам и большевикам при помощи союзников во имя возвращения России в цивилизованное сообщество.

Актуализация разных уровней идентичности позволяла показать на основе каких ценностей и идей должна происходить консолидация общества, и четко определить, тем самым, параметры «Мы-группы». В то же время, конструирование образов «чужих» и «врагов» также позволяло отделить себя от окружающего мира и подчеркнуть собственные достоинства, путем выстраивания нескольких ключевых бинарных оппозиций³. Представления о врагах и союзниках играли важную роль в формировании положительного имиджа антибольшевистских сил. Негативные образы большевиков и

¹ Шевелев Д.Н. Структурирование политического пространства и формирование национальной идентичности в официальной и проправительственной печати белой Сибири (июнь 1918-декабрь 1919 гг.) // Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности: методология, методика и практики исследования: Программа и тезисы. Томск: Изд-во Том. ун-та. 2014. С. 226

² О долге наших дней // Сибирская речь (Омск). 1918. 26 июня.

³ Шевелев Д.Н. Осведомительная работа антибольшевистских правительств на территории Сибири в годы Гражданской войны (июнь 1918 – январь 1920 гг.) : дис. ... д-ра. ист. наук: 07.00.02. Томск, 2012. С. 443-444.

немцев, однозначно интерпретируемые как враждебные, выступали антиподом, полной противоположностью позитивных образов белых и союзников.

Данные образы разворачивались в едином контексте, в роли которого выступало повествование о недавних событиях Первой мировой войны. «Всю совокупность текстов о «Великой войне», имевших пропагандистскую направленность и представленных в многочисленных декларациях, брошюрах, газетных статьях, интервью, очерках, заметках и фельетонах следует рассматривать как особый нарратив со своими контекстами актуализации, композицией и сценарием репрезентации»¹. В рамках данного нарратива образ союзников продолжал конструироваться и восприниматься даже после выхода России из войны.

Антибольшевистские силы стремились использовать положительный образ союзников для получения поддержки с их стороны, ведения пропаганды против большевиков и формирования собственного положительного имиджа. При этом, могла происходить идеализация представлений о союзниках. Так, кадетская газета «Свободная Сибирь» в июне 1918 г. обвиняла большевиков в том, что заключив мир с немцами они «испортили наши отношения с нашими прекрасными, свободолюбивыми союзниками», которые «так дружно выручали нас в трудные минуты, и которые теперь дерутся только за Россию». «Союзники могли бы помириться с Германией и вполне вознаградить себя за счет России за все понесенные ими жертвы. Но, – по мнению автора статьи, – они прекрасно понимают, что при таком мире создалась бы военная гегемония Германии, которая диктовала бы всему миру свою волю». Вследствие этого, «возобновление дружественных отношений союзниками и оказание им помощи в борьбе с

¹ Шевелев Д.Н. «Мы испытали горькое удовлетворение нашей общей победы»: тема и образы «Великой войны» в официальной и проправительственной периодической печати белой Сибири (июнь 1918 – декабрь 1919 гг.) // Былые годы. 2014. № 33(3). С. 350.

немцами», определялось как неотложная задача России и Сибири¹. Данный пример ярко свидетельствует о стремлении сформировать позитивный образ союзников и противопоставить его «предателям» большевикам.

Эскалация гражданской войны актуализировала проблему возможной интервенции Антанты. Данный вопрос активно обсуждался в сибирской прессе в июне-августе 1918 г. В июне 1918 г. на заседании верховного военного совета союзников американцы вновь выступали против военного давления и продолжали настаивать на доброжелательном отношении к большевистскому правительству и оказании русским материальной поддержки, чтобы дать им возможность сопротивляться германцам².

Подобные заявления американских официальных лиц привлекали внимание части русской общественности. В результате чего, в прессе появлялись мнения, согласно которым «отказ от тактики призвания союзнических военных отрядов и возобновление контакта с антигерманской коалицией на основах, намечаемых Америкой, (т.е. оказание России экономической помощи) – был бы наиболее выгодным для России как государственного целого»³.

Существовала и иная точка зрения. Томская либеральная газета «Сибирская жизнь» считала, что сложно будет вытеснить немцев и большевиков без помощи извне, и подчеркивала необходимость сохранения верности России союзникам, борющимся за демократию и свободу⁴. Кадетская «Сибирская речь» считала, что в условиях разрухи в стране «единственным выходом из создавшегося положения является обращение Сибири за помощью к нашим союзникам, на известных условиях они должны снабдить нас, как деньгами, так и товарами». Кроме экономической, газета считала необходимой и военную помощь – «корпус японских войск

¹ Святой долг // Свободная Сибирь (Красноярск). 1918. 23 июня.

² Приамурская жизнь. (Хабаровск). 1918. 22 июня.

³ Приамурская жизнь (Хабаровск). 1918. 3 июля.

⁴ Перспективы // Сибирская жизнь (Томск). 1918. 20 июня.

был бы вполне достаточен, чтобы окончательно освободить от большевиков всю Сибирь до Урала и даже гибнущий от голода Туркестан»¹.

Телеграфные сообщения из Европы и Японии, в которых говорилось о продолжающемся обсуждении возможного вмешательства в военно-политических кругах союзных держав и в зарубежной прессе также подтверждали предположения о том, что союзники все же решатся на вторжение.

Токийский корреспондент «Голоса Приморья» сообщал, что в интервью лондонской «Дейли Мейл» министр иностранных дел Японии Гото замечал, что предложений об интервенции ни от Лондона, ни от Вашингтона не поступало, но Япония будет рада их обсудить. Германию, по словам министра, надо «обуздать» и установить в Сибири безопасность. По поводу заявления Гото корреспондент Овидиев замечал: «В этих немногих словах нетрудно усмотреть, что вопрос о посылке войск в Сибирь уже обсужден и по всей вероятности является делом уже предрешенным»².

По сообщениям из Лондона, «Дейли Хроникл» с удовлетворением отмечала, что американская газета «Нью-Йорк Таймс», «орган отражающий взгляды президента Вильсона», «стоит за то, что анти-германские настроения, широко охватывающие все слои русского населения, смогут конкретизироваться лишь тогда, если будут опираться не только на существенную русскую военную силу, находящуюся сейчас в состоянии дезорганизации, но и на могущество союзных штыков». Особо подчеркивалась готовность Японии двинуть свои войска в Сибирь «в целях восстановления порядка, создания новых коммерческих отношений и противодействия германскому вторжению в Азию»³.

Представители власти достаточно сдержанно высказывались по поводу интервенции. Так, представитель Временного Сибирского Правительства

¹ Неотложное дело // Сибирская речь (Омск). 1918. 28 июня.

² Из Японии // Голос Приморья (Владивосток). 1918. 27 июня.

³ За границей // Воля Сибири (Красноярск). 1918. 10 июля

Б.М. Марков в начале июля, отмечал, что присутствие в Сибири союзных войск, «могущих в любой момент оказать давление», нежелательно. Вместе с тем признавалась необходимость материальной и дипломатической поддержки¹.

В конце июля 1918 г. сибирские газеты опубликовали телеграфные известия о высадке союзных войск в Мурманске с целью противодействия немцам и «холопам императора Вильгельма» – большевикам. Кадетская и левая печать положительно реагировала на десант союзников. Данная акция не считалась агрессией, поскольку интервенция, как об этом неоднократно говорилось ранее, превращала русскую гражданскую войну в «одну из форм борьбы общеевропейских демократий с германским империализмом». Перенесение мировой войны на русскую территорию, по словам красноярской «Воли Сибири», «еще больше обязывало к тому, чтобы принять участие в этой войне на стороне союзных держав». «Гражданская война, – отмечалось в газете, – решает вопрос не о победе одного русского политического течения над другим, а определяет судьбу России как самостоятельного государства». В связи с этим, критике подвергались те, кто выступал с лозунгом «долой гражданскую войну»².

С аналогичных позиций выступал орган красноярских меньшевиков «Дело рабочего», указывавший на две альтернативы – «или окончательное порабощение Германией при благосклонном участии Ленина и Ко, или борьба вместе с союзниками за свое освобождение». «Союзники окажут нам помощь против немцев и без нашего согласия, – отмечалось в газете, – но тогда эта помощь не обойдется без вмешательства в наши внутренние дела, в целях создания благожелательного этому вмешательству правительства». Во избежание этого красноярские меньшевики призывали как можно скорее наладить внутреннюю жизнь, чтобы с Россией считались как с определенной

¹ Сибирская речь (Омск). 1918. 4 июля.

² Воля Сибири (Красноярск). 1918. 30 июля.

силой. На страницах газеты «Алтайский луч», отмечалось, что для доверия союзников необходимо создать правительство, поддерживаемое поддержкой и доверием масс. Временное Сибирское правительство с «не урезанной, демократической платформой» могло, по словам газеты, дать больше всего и для защиты страны и для строительства внутри – а потому должно явиться для союзников наиболее желательным¹.

Как можно видеть, рассуждая о возможности интервенции, пресса заостряла внимание на внутренних проблемах страны – общим, как для кадетов, так и для социалистов было утверждение о том, что для выстраивания партнерских отношений с союзниками необходимо создание, на очищаемой от большевиков территории, сильной и поддерживаемой массами власти. Еще до выступления союзников на Дальнем Востоке сибирская пресса выступала за проведение интервенции, рассматривая ее как совместную операцию против «германо-большевиков» в рамках мировой войны. Слухи о сотрудничестве большевиков и немцев к лету-осени 1918 г. переросли в уверенность в том, «правительство Ленина и Троцкого уже давно стало, по существу, правительством, союзным Германии»².

Несмотря на обозначившееся отрицательное отношение сибирских кадетов и левых к Брестскому миру, Сибирское Правительство вплоть до начала августа 1918 г. не спешило официально высказываться относительно Германии, союзников и заключенного большевиками мира. Это, по словам премьер-министра П. В. Вологодского было обусловлено тем, что правительство «на первых порах решило не фрондировать по этому поводу, а выждать проявления определенных последствий этого мира». Но, как отмечал П.В. Вологодский, «оказалось, что как чехословаки, так и

¹ Дневник печати // Воля Сибири (Красноярск). 1918. 30 июля.

² Отечественные ведомости (Екатеринбург). 1918. 13 окт.

представители других дружественных держав, недоумевали по поводу такой неопределенности отношения Сибирского правительства к этому миру»¹.

В результате, в правительственной декларации от 6 августа, приуроченной к объявлению призыва на военную службу лиц, родившихся в 1898 и 1899 гг., было объявлено о «трудной и ответственной» задаче Сибири – «содействовать восстановлению других частей Российского государства, раздробленного Брестским миром, которого не признают народы России»². Туманность формулировок декларации вызвала недовольство генерала А.Н. Гришина-Алмазова, который потребовал ясного и решительного заявления³.

10 августа 1918 г. Временное Сибирское Правительство обратилось к союзникам со следующим заявлением: «Временное Сибирское правительство считает Сибирь частью нераздельной России. Вместе со всей Россией она не признает Брестского мира и в предвидении грядущего объединения областных правительств под одною общероссийской властью торжественно заявляет, что все договоры и обязательства перед союзниками так же обязательны для Сибири, как и для прочих частей России и что во имя общероссийских и союзных интересов Сибирская армия готовится к совместной с союзниками мировой борьбе»⁴.

Данное обращение следует рассматривать, как попытку правительства восстановить в новых условиях, нарушенную большевиками политическую коммуникацию и вернуть утраченный после выхода России из войны статус «своих» среди стран Антанты. Правительство указывало на то, что оно стремится говорить от лица всей страны и не допускает ни малейшей возможности ее распада. Кроме того, для антибольшевистских сил крайне

¹ Вологодский П.В. Во власти и в изгнании: Дневник премьер-министра антибольшевистских правительств и эмигранта в Китае (1918–1925гг.). Рязань, 2006. С. 70.

² Временное Сибирское правительство (26 мая–3 ноября 1918 г.). Сборник документов и материалов. Новосибирск, 2007. С. 254.

³ Гинс Г. К. Указ. соч. Т. 1. С. 126.

⁴ Временное Сибирское правительство (26 мая – 3 ноября 1918 г.). Сборник документов и материалов. Новосибирск, 2007. С. 275.

важно было продемонстрировать союзникам свою монолитность, что свидетельствовало бы о жизнеспособности органов власти белой Сибири и необходимости их поддержки со стороны Антанты. Так, в телеграмме товарища министра иностранных дел М.П. Головачева председателю Сибирской Областной Думы 23 июля сообщалось о возможном присутствии на открытии Думы представителей союзных Держав. «В виду их неопределенного отношения к Думе *чрезвычайно* (слово зачеркнуто в тексте – К.К.) важно для последней создать впечатление полной солидарности» – рекомендовал М.П. Головачев¹.

Тем временем, достигнув договоренности в вопросе об интервенции, союзники приступили к ее осуществлению. 3 августа 1918 г. во Владивостоке был высажен батальон 25-го Мидлсекского полка, 4-го – первая группа 9-й китайской дивизии, 9-го – французский батальон, 11-го – части 12-й японской дивизии, 15-16 и 21 августа – два американских полка (27-й и 31-й)². О прибытии интервентов сразу же сообщила пресса³. В официальных декларациях американского, британского, японского правительств к русскому народу говорилось об «уважении к территориальной целостности», «невмешательстве во внутренние дела России», оказании помощи русскому народу, для восстановления им самим «контроля над собственными делами и собственной судьбой», о стремлении союзников «оказать покровительство» чехословакам и русским против «нападающих на них вооруженных австрийских и германских пленных»⁴.

Прибытие войск интервентов в Приморье в августе 1918 г. вызвало всплеск интереса к союзникам и массу публикаций. В связи с захватом Читы антибольшевистскими силами и восстановлением сообщения с Дальним Востоком, высказывались предположения о скором появлении союзных

¹ ГАРФ. Ф. Р200. Оп. 1. Д. 26. Л. 32.

² История Дальнего Востока России. Владивосток, 2003. Т. 3. Дальний Восток России в период революций 1917 года и гражданской войны, кн. 1. С. 243.

³ Далекая окраина. (Владивосток). 1918. 3 авг.

⁴ Борьба за власть советов в Приморье... С. 167-170.

войск в Восточной и Западной Сибири, с целью открытия восточного фронта против Германии. Характеризуя состояние общественного мнения, газета «Воля Сибири» отмечала, что «мы много и охотно говорим о войне с Германией», но общество «вовсе не представляет себе, что участие в войне требует крупных жертв». Газета призывала, сибирского обывателя стойко переносить тяготы борьбы за возрождение Родины¹ и скорее примкнуть к союзникам, спешащим разгромить Германию. Ибо, если немцы «будут разгромлены без нас», «без нас же тогда станут устраивать нашу судьбу»².

Печать в большинстве случаев благожелательно отнеслась к союзникам, всячески приветствовала любую экономическую и дипломатическую поддержку. Военное вмешательство также вызывало положительную реакцию. Например, омская кадетская газета «Сибирская речь», сообщая о прибытии союзников, писала: «будем надеяться, что доблестные японские и американские войска придут на наш фронт вовремя, и при их содействии мы скоро уничтожим в России всякие следы большевизма»³.

Вместе с тем, обращалось внимание на негативные аспекты интервенции. В кадетской газете «Свободный край», выходившей в Иркутске, констатировалось, что «наша судьба, устройство российской государственности перешли в чужие, хотя и дружественные руки», и что «...было бы смешно и наивно мечтать, что водворение порядка возможно без вмешательства во внутренние дела страны». Не выражая вроде бы сомнений в дружественности союзников, редакция газеты отмечала, что их выступление имеет «свои цели, свои интересы» и предупреждала – «за услугу, оказанную союзниками, придется расплачиваться». Таким образом, подчеркивалось, что Россия вынуждена подчиняться воле союзников в силу своей слабости. Тем самым редакция обращала внимание читателей, прежде

¹ Воля Сибири (Красноярск). 1918. 30 августа.

² Красноярские рабочие и Брестский мир // Там же. 13 сент.

³ Сибирская речь (Омск). 1918. 14 сент.

всего на внутренние проблемы страны и призывала русских доказать «способность управлять своей судьбой»¹.

Несколько позже газета, говоря о том, что существуют еще «сомнения в бескорыстности союзников», приводила слова официальных представителей Японии, которые в каждом своем выступлении подчеркивали, что «вмешательства в русские дела не должно быть и настоящая интервенция ничего общего с завоевательной экспедицией не имеет». Издание выражало надежду, что подобные заявления «навсегда убедят всех в том, что союзники никаких замыслов о захвате русской территории не имеют, и что намерения и действия их совершенно открыты»².

Можно сказать, что кадетская, либеральная печать, в большинстве своем одинаково восприняла начало интервенции. Газеты единодушно приветствовали «помощь союзников» и надеялись на «искреннюю и бескорыстную» помощь в «освобождении от иноземного ига»³. Кадеты признавали, что без союзников победу над большевиками будет сложно осуществить, говоря при этом, что «что возрождение страны осуществляется только при дружеских, но все же чужих силах»⁴. Из-за чего «помощь» союзников оценивалась патриотично-настроенной кадетской печатью как «официальное признание нашего национального стыда и горя»⁵.

Выводы, которые делали различные кадетские издания, были также однотипны – поскольку интервенция в данный момент «суровая необходимость», нужно пользоваться помощью союзников, но в то же время интервенция – позор, поэтому необходимо делать все, чтобы изменить ситуацию в лучшую сторону – укрепить государственность, установить правопорядок, создать армию, разбить большевиков и вывести Россию обратно в разряд великих держав.

¹ Свободный край (Иркутск). 1918. 11 сент.

² Там же. 17, 21 сент.

³ Свободная Сибирь (Красноярск). 1918. 19 сент.

⁴ Там же. 26 сент.

⁵ Русская речь (Новониколаевск). 1918. 15 ноября.

В начавшей издаваться в середине августа газете «Сибирский вестник» – официальном органе Временного Сибирского Правительства вопросу взаимоотношений России и Антанты уделялось особое внимание. На страницах издания появилась специальная рубрика «Печать и союзники», в которой публиковались отклики различных сибирских газет по поводу интервенции и взаимоотношений с союзниками. «В данной рубрике за время выхода «Сибирского вестника» сделан обзор публикаций 20 периодических изданий»¹. Большинство газет, по словам «Вестника», «сходятся на том, что помощь союзников нужна, нужен и приход «варягов» на нашу землю, но настаивают на том, чтобы мы сумели достойно встретить дорогих гостей – чтобы у нас была прекращена гражданская война, была создана единая, сильная Всероссийская власть, с которой одной бы и имели дела наши союзники»².

Данная мысль, сформулированная еще задолго до начала интервенции, неустанно повторялась во множестве публикаций сибирских газет. Редакция «Сибирского вестника», приводя выдержки из изданий различной политической направленности, стремилась, таким образом, укоренить в сознании сибирской общественности положение о необходимости создания единой власти и консолидации всех политических группировок вокруг одного центра, который, несомненно, должен был формироваться на базе и при прямом участии Временного Сибирского правительства.

В сентябре 1918 г. в Уфе начало свою работу совещание, целью которого являлось создание единой всероссийской власти. Результатом переговоров между «левой» и «правой» фракциями совещания, в ходе

¹ Стельмак М.М. Восприятие иностранного военного присутствия в России в отображении антибольшевистской прессы (по материалам рубрики «Печать и союзники» на страницах газеты «Сибирский вестник») // Омский научный вестник. 2014. № 3 (129). С.22

² Всероссийская власть, союзники и печать // Сибирский вестник (Омск). 1918. 25 сент.

которых ни одна из сторон не хотела уступать, стало Создание 23 сентября Временного Всероссийского Правительства (Уфимской Директории)¹.

Межпартийные противоречия, соперничество между различными группировками восточной контрреволюции влияли, в том числе и на восприятие союзников. Так, на страницах социалистической газеты «Сибирь» кадеты обвинялись в «недостатке патриотизма» в связи с тем, что пресса партии народной свободы возлагала слишком много надежд на союзников в плане борьбы с большевизмом. «Вмешательство союзников, – писала «Сибирь» – может принести потерю нашей территории», поскольку «мы сами приучаем союзников смотреть на нас, как на низшую расу, настойчиво прививая им взгляд на русский народ, как на неспособный самоуправляться»². «Звать Вильсона прийти навести у нас порядок», – отмечалось в газете, – «неразумно, опасно, необходимо постараться нам самим внутри нашей демократии найти силы против наших противников как слева (большевиков – К.К.), так и справа (кадетов и монархистов – К.К.). И если уж Америка придет, то не на помощь тем, кто желает восстановить в России деспотию»³.

Несмотря на ожидания части сибирской общественности, крупные союзные силы, так и не появившись на фронте. Япония, отправившая наиболее многочисленный контингент войск, предпочитала действовать в Приморье и Забайкалье, поддерживая отряды казачьих атаманов Семенова и Калмыкова. Радость, которая выражалась на страницах газет в связи с приходом войск интервентов, довольно скоро сменилась первыми нотками недовольства.

Факты, поступающие из районов, где располагались японские войска, указывали на то, что их реальные действия далеко не так дружественны.

¹Журавлев В.В. Государственное совещание: к истории консолидации антибольшевистского движения на востоке России в июле — сентябре 1918 г. // Сибирь в контексте отечественной и мировой истории XVII–XXI вв. Бахрушинские чтения 2007 г. Новосибирск, 2007. С.92.

²Заметки. Россия и союзники // Сибирь (Иркутск). 1918. 10 окт.

³Там же. 26 окт.

Генерал В.Г. Болдырев в октябре 1918 г. отмечал в своем дневнике, что в «отношении японцев уже создалось определенное предубеждение, их поведение было просто безобразным, почти каждый день получались сведения о неприятностях самого грубого свойства»¹. «Неприятности» чинимые японцами, вынуждали население искать помощи у местных властей. Приговоры сходов сельских обществ и обращения земских управ к вышестоящим органам отражают тот произвол японских отрядов, с которым пришлось столкнуться населению Дальнего Востока. Так, в приговоре Гондатьяевского сельского общества, Иманского уезда содержалось вторичное обращение населения в земскую управу, с просьбой «ходатайствовать перед кем это следует, что японские солдаты наносят насильный и нахальный воровской вред, ... стреляют людей в страх, дабы не мешали грабежу...» и доводят население до крайне бедственного положения, которого оно «не ожидало со стороны японского народа»². Подобного рода сведения доходили и до прессы.

Томская «Народная газета» в одной из статей, посвященной высадке союзников во Владивостоке, спустя несколько месяцев, сообщала, что войска союзников были встречены населением доброжелательно. Исключение составили японцы. «Где бы они ни появились, с первых шагов своей деятельности они возбуждали недружелюбное отношение со стороны населения»³. Даже официальные обращения японских военачальников, давали прессе возможность усомниться в дружелюбии японцев.

Читинская кадетская газета «Забайкальская Новь» в октябре 1918 г. в статье «Наши союзники» приводила для сравнения «Обращение британского правительства к русскому народу», приказ по 27-му американскому полку, в которых подчеркивалось стремление англо-американцев «видеть Россию

¹ Болдырев В.Г. Директория. Колчак. Интервенты. Воспоминания. Новониколаевск, 1925. С. 78-79.

² Борьба за власть советов в Приморье... С. 183-184.

³ Высадка союзников во Владивостоке // Народная Газета (Томск). 1918. 13 дек.

сильной» и «поддерживать сердечные отношения между союзными военными силами и русским народом и обращение вошедших в Забайкалье японцев, «возвещающих не только о помощи, но и о бедах, ожидающих русских в некоторых обстоятельствах». Сравнение подкреплялось описанием действий японцев, реквизировавших пароход «Сунгари», «учинивших насилие» над служащими Забайкальской железной дороги и занявших их квартиры и заканчивалось «сакраментальным» – «комментарии излишни»¹. В связи с этим следует отметить, что пресса в будущем не раз еще использовала сравнение японцев с другими союзниками (прежде всего американцами) для того, чтобы подчеркнуть либо достоинства, либо недостатки сравниваемых сторон.

Иркутская газета «Сибирь» со ссылкой на корреспонденцию «Далекой окраины» сообщала о тревоге, охватившей население Хабаровска, опасение которого вызывало «поведение японских солдат, которые реквизировали у жителей продовольствие, не платя за это денег или платя по своему усмотрению». Особенно взволновала население декларация ген. Ои, в которой заявлялось, что частная собственность «остается неприкосновенной», но имущество общественное, которым на правах предстателей большинства населения управляли большевики, Япония считает почему-то своим военным призом...»².

Газета «Свободный край» также сообщала о «призах», а кроме того о вывешивании японскими войсками своих национальных флагов над зданиями вокзала и почты в Верхнеудинске, риторически восклицая при этом: «что же это значит?»³. Как писал впоследствии Дж. Уорд – «японцы считали оскорблением для Японии каждый флаг кроме их собственного, развевающийся в Манчжурии и в Сибири»⁴. Тема «военных призов» имела

¹ Наши союзники // Забайкальская Новь (Чита). 1918. 10 окт.

² Японцы в Хабаровске // Сибирь (Иркутск). 1918. 6 окт.

³ «Военный приз» // Свободный край (Иркутск). 1918. 6 октября

⁴ Уорд Д. Союзная интервенция в Сибири. М., 1923. С. 52.

свое продолжение, 13 октября 1918 г. член японской дипломатической миссии Ватанаба в беседе с сотрудником «СТА» заявлял, что разговоры о «военных призах» на самом деле – «...кривотолки, направленные против дружественных отношений Японии к русскому народу», имущество же после регистрации и установления владельца возвращается¹.

Несмотря на то, что заявление официального японского представителя внесло некоторое успокоение, проблема «призов» продолжала сохраняться. Трофеями японцев становились как личные вещи и деньги, отбитые у большевиков², так и важные стратегические объекты на территории Дальнего Востока³. Таким образом, уже на начальном этапе интервенции в положительный образ союзников, формировавшийся на основе идеализированных представлений кадетов и левых, и рассуждений о единстве русских и союзников, восстанавливающих анти-германский фронт, были внесены коррективы.

Несмотря на негативные моменты, белым было важно и необходимо подчеркнуть единство с Антантой. В связи с этим любой позитивный опыт взаимодействия с союзниками приобретал важное символическое значение.

Американские отряды, также как и японцы, не спешили покидать Дальний Восток. На запад выдвинулись лишь немногочисленные отряды союзных войск, присутствие которых было скорее декоративным. Тем не менее, пресса активно приветствовала союзные эшелоны, продвигавшиеся по Транссибирской магистрали к Омску.

20 октября 1918 г. английский отряд под командованием полковника Дж. Уорда прибыл в Красноярск. Жители города теперь могли лично, а не по газетным публикациям составить представление о союзниках. Автор статьи

¹ Забайкальская Новь (Чита). 1918. 18 окт.

² «Они... представляются населению в роли завоевателей». Отчет белогвардейского офицера о японской интервенции и Гражданской войне на Дальнем Востоке. // Отечественные архивы. 2008. №3. С. 73-81.

³ Так, под предлогом военной добычи японцам удалось захватить даже амурские канонерки и их дорогостоящую базу. (Пионтковский С. Гражданская война в России (1918-1921гг.). Хрестоматия. М., 1925. С. 296).

«Англичане пришли» описывая момент встречи «дорогих гостей» отмечал чувство «радостного любопытства среди россиян». «“Как я рада англичанам, я бы их расцеловала”», говорит дама, искренне радующаяся приходу союзного народа. Один подмечает, что все загорелые, здоровые люди. Другой находит, что у них у всех “черные усы”. Молодежь интересуется тем, что штыки короткие, что на головах шапки с ушами, что на каждом солдате особые ремни, для ношения багажа», – сообщалось в статье. В то же время, автор отмечал: «есть тут и искренняя гражданская скорбь: “вот до чего дожили, пришли чужие люди распоряжаться”»¹. В честь британцев был устроен банкет. По воспоминаниям Дж. Уорда, на мероприятии присутствовали представители местной власти, военные, казаки, земские деятели, члены различных партий и общественных организаций. «Не менее чем шесть ораторов пытавшихся наперебой друг перед другом прочесть свои адреса», «бешеная тирада» местных эсеров, попытка казаков заставить оркестр сыграть гимн «Боже, царя храни», спровоцировавшая «невообразимый скандал» – все это заставило полковника сделать вывод о «глубоком разброде мнений среди моих русских хозяев»². Аналогично высказывалась и местная пресса. «Каждая из партий полагает, что союзники окажут помощь именно ей, – писала «Воля Сибири», «“демократические части общества” и правые круги, так называемые “монархисты”, оглядываются на союзников и ждут о них помощи не для России, как цельного государства, а для своей партии»³.

В Омске, куда Дж. Уорд прибыл 18 октября, британцев приветствовали представители городских властей, кооператоры и военные, а «народ устроил настоящую русскую встречу» с хлебом и солью⁴. По словам полковника, союзники предпринимали «отчаянные попытки» для соединения сил

¹ Англичане пришли // Свободная Сибирь (Красноярск). 1918. 24 окт.

² Уорд. Дж. Указ соч. С. 63-64

³ Воля Сибири (Красноярск). 1918. 25 окт.

⁴ Уорд. Дж. Указ соч. С. 65.

Директории и Временного Сибирского правительства, которое казалось ему невозможным.

Как можно видеть, несмотря на настойчивую пропаганду идеи солидарности на страницах официальных и партийных (прежде всего кадетских) изданий, антибольшевистский лагерь на деле был далек от единства, даже тогда, когда того требовала задача поддержания собственного положительного образа в глазах иностранцев. Компромисс между левыми и правыми, приведший к созданию Директории, не удовлетворял ни тех, ни других – каждая из сторон считала себя проигравшей. Левоцентристский состав Директории не удовлетворял кадетов, а члены ВСП не хотели терять политическое влияние. В результате, «началась борьба этих группировок с Директорией, причем первые в лице В. Н. Пепеляева сделали ставку на военный переворот и установление режима единоличной военной диктатуры, вторые – на фактическое подчинение Директории своему влиянию путем трансформации ВСП в Совет Министров всероссийского масштаба»¹.

Опасность со стороны большевиков вынудила Директорию в начале октября перебраться в Омск, где продолжал находиться главный конкурент – Временное Сибирское Правительство. 1 ноября Директории и ВСП удалось договориться о передаче власти. 3 ноября, согласно декларации ВСП верховная власть на территории Сибири передавалась Временному Всероссийскому Правительству. Совет министров нового правительства вновь возглавил П.В. Вологодский².

Подводя итог, следует отметить:

Шансы антибольшевистских сил востока России на успешное ведение борьбы против большевиков, во многом зависели от наличия поддержки со стороны иностранных государств, поскольку Сибирь не располагала

¹ Шиловский М.В. К вопросу о создании Временного Всероссийского правительства (Директории) // Общественно–политическая жизнь Сибири XX в. : межвузовский сборник научных трудов Новосибирск, 2000. Вып. 4. С. 47–55.

² Сибирский вестник (Омск). 1918. 6 ноября.

достаточно эффективной экономической и ресурсной базой для ведения войны.

Выбор руководства антибольшевистских сил в пользу про-союзнической ориентации обуславливался социальным и политическим составом восточной контрреволюции, значительная часть которой продолжала сохранять верность идеалам Антанты. Однако куда более важным фактором стала политика большевиков направленная на заключение мира с Германией, что позволило белым активно использовать тезис о тесной связи и союзе между немцами и большевиками.

Опора на данный тезис позволяла трактовать гражданскую войну в России как один из фронтов мировой войны, что в свою очередь позволяло вполне обоснованно, по мнению белых, ожидать помощи союзников в виде дипломатической, экономической, технической поддержки и даже интервенции. Такой подход обуславливал тенденцию на формирование положительного образа союзников в официальной, либеральной и левой прессе. Вместе с тем, руководство сибирской контрреволюции испытывало своего рода «чувство вины» перед союзниками за позор и предательство Брестского мира. Единственным способом искупления считалось активное участие «всех сознательных и государственно-мыслящих элементов» в воссоздании единого государства, которое разгромит большевиков и восстановит Восточный фронт. Что, в конечном счете, позволило бы России вновь занять достойное место среди мировых лидеров.

«Дружеская опека» союзников воспринималась и как унижение русских, свидетельство слабости, развала и падения престижа России. Трактуя интервенцию подобным образом, авторы газетных публикаций, полагали, что вторжение союзников может стать стимулом, способным заставить сибирскую общественность стремиться к восстановлению национального достоинства. В связи с этим актуализировалась идея единства антибольшевистских сил, являвшаяся центральной в риторике как

правительственной, так и партийной прессы. Таким образом, формируемый прессой официального направления позитивный образ Антанты, будучи тесно связанным с лозунгом единства антибольшевистских сил, выступал средством консолидации общества.

ГЛАВА 2. ОБРАЗ СОЮЗНИКОВ В ОФИЦИАЛЬНОЙ И ПРОПРАВительСТВЕННОЙ ПЕЧАТИ ВРЕМЕННОГО ВСЕРОССИЙСКОГО – РОССИЙСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА АДМИРАЛА А.В. КОЛЧАКА (НОЯБРЬ 1918 – ЯНВАРЬ 1920 ГГ.).

По мере развития событий и накопления фактов об интервенции и других направлениях «русской политики» Антанты происходила трансформация образа союзников на страницах газет. Недостаточная осведомленность руководства союзных держав о сложной и запутанной ситуации в России, а также противоречия между участниками интервенции порождали противоречивость союзной политики в отношении антибольшевистских правительств. Это приводило к возникновению двух разнонаправленных тенденций в освещении прессой взаимоотношений России и стран Согласия. С одной стороны, руководство белых правительств, и примкнувшие к ним политические группировки, были заинтересованы в формировании и поддержании положительного имиджа союзников, помогавших белым в их борьбе против большевиков. С другой – политические элиты и население востока России не могли не замечать многих негативных тенденций в политике союзных держав, которые проявлялись, как на уровне межгосударственных, дипломатических отношений, так и в повседневных практиках.

В связи с этим, представляется необходимым рассмотреть процесс формирования образа союзников в контексте двух этих тенденций, каждой из которых посвящен соответствующий раздел.

2.1 Положительные стороны интерпретации образа союзников в официальной и проправительственной печати белого востока

Как и в случае с другими антибольшевистскими правительствами, перед Директорией остро стояла проблема легитимации. Общая неудовлетворенность уфимским компромиссом левых и правых делала позиции нового правительств весьма шаткими. В условиях падения авторитета власти в глазах населения ввиду частой смены режимов, Директории необходимо было добиться общественного признания. «Именно это могло обеспечить Временному Всероссийскому правительству истинную легитимность, которая связана не с демократическими процедурами или юридическим оформлением, а является психологическим понятием, верой народа в законность власти»¹.

Для завоевания симпатий населения Сибири и в целом России правительству необходимо было сформулировать и донести до масс некие идеи и ценности, которые могли бы конкурировать с идеологическими установками большевиков. Формулирование и трансляция идей, способных, по мнению членов Директории, объединить все антибольшевистские силы вокруг единого центра и мобилизовать общественность, происходили на страницах официального печатного органа Омского правительства – «Вестника Временного Всероссийского правительства».

Важнейшей задачей, которую ставило перед собой правительство, являлось воссоздание «Великой и Единой России». Таким образом, официальная риторика продолжала строиться на основе идеи единства, которая рассматривалась в двух основных контекстах. Один подразумевал единство власти, означавшее «упразднение всех областных правительств» и

¹ Луков Е.В. Образ Уфимской Директории на страницах «Вестника Временного Всероссийского правительства» // 150 лет периодической печати в Сибири: Материалы региональной научной конференции, посвященной 150-летию издания в Сибири «Губернских ведомостей» (Томск, 19–20 апреля 2007 г.). Томск, 2007. С. 183.

сосредоточение власти в руках Директории, которая должна являться единственной законной властью. Другой – единство нации, примирение всех политических группировок и партий и классов во имя воссоздания государства.

Не менее важной была проблема выстраивания отношений со странами Антанты. Как и ее предшественники, Директория была крайне заинтересована в конструктивных отношениях с союзниками. Помимо военно-политической помощи и содействия в решении экономических и транспортных проблем, правительству, оказавшемуся в довольно затруднительном положении в чужом городе, с большой долей недоброжелателей на правом фланге контрреволюции, требовалась «моральная» поддержка со стороны союзных держав, которая позволила бы чувствовать себя увереннее¹.

Создание на востоке страны антибольшевистской власти, претендовавшей на всероссийский статус, совпало по времени с окончанием боевых действий на Западном фронте мировой войны. Как уже отмечалось ранее, повествование о войне являлась контекстом, в рамках которого происходило формирование образов союзников и большевиков. Именно необходимостью оказания помощи чехам и русским, сражавшимся против «германо-большевиков» и обеспечивавшим тем самым участие России в войне, и обосновывалась интервенция. Разгром Германии мог привести к прекращению союзной помощи под лозунгом восстановления восточного фронта против Центральных держав, что было явно невыгодно политическому руководству антибольшевистских сил. «Я помню, как взволновался Авксентьев, когда в конце октября пришло известие, что Германия капитулирует.

¹ Стельмак М.М. Директория и союзники: освещение иностранной помощи на страницах «Вестника временного всероссийского правительства» // Вестник Томского государственного университета. История. №2. (34). 2015. С. 39.

– Вот тебе и на! Только и мог проговорить он», – писал Г.К. Гинс. По его же мнению, «продержись Германия несколько больше, союзная помощь России вылилась бы в иные формы»¹. Не мог не вызывать беспокойства и уход чехов с Уральского фронта. Это создавало дополнительные трудности для военного командования белых, которому не хватало ни времени, ни снаряжения для подготовки и развертывания войск. 10 ноября 1918 г. генерал С.Н. Розанов в телеграмме Ю.В. Ключникову сообщал о том, что в результате переговоров с консулом США в Омске и американским военным представителем главнокомандующий В.Г. Болдырев, заявлял о желательности того, чтобы «союзники выдвинули на фронт сравнительно небольшой отряд, тысяч в пятьдесят, с целью прикрыть формирование наших войск. Отряд этот должен быть выдвинут именно на фронт, а не оставаться в тылу и в составе его непременно должны входить части от всех союзников, с преобладанием белой расы»². Такая избирательность к приглашаемому на фронт континенту весьма показательна – по всей видимости, белые не хотели допустить повторения эксцессов, к которым привело присутствие японских войск на востоке страны.

Директории было необходимо любыми способами подчеркнуть единство с Антантой, убедить общественность и армию в том, что Россия не брошена союзниками на произвол судьбы. Прибытие в Омск представителей Британии и Франции осенью 1918 г. служило этому как нельзя кстати. «Когда генерал Нокс³ объезжал фронт, его всюду встречали не только дружелюбно, но торжественно. Выставлялись почетные караулы, оркестр играл английский гимн, предоставлялось все лучшее, что только было у нас самих. На его слова о помощи, заранее благодарили, почти везде просили прислать хоть взвод английских солдат, – необходимо было показать нашим

¹ Гинс. Г.К. Указ соч. Т.1. С. 296.

² ГАРФ. Ф. Р200. Оп. 1. Д. 27. Л. 13.

³ Нокс Альфред (1870-1964) – генерал-майор, военный атташе Великобритании в России в годы Первой мировой войны, глава британской миссии на Востоке России во время Гражданской войны.

солдатам и офицерам, что давние обещания союзников о помощи не одни слова» – писал впоследствии генерал К.В. Сахаров¹.

Особым образом Омское правительство подготовилось к прибытию эшелонов союзных войск, которое состоялось в конце октября – начале ноября. Еще 4 октября согласно постановлению Административного Совета была организована специальная Комиссия по встрече французских (с 19 октября – иностранных) войск, целью которой являлась разработка программы мероприятий по встрече союзных войск в Омске. В комиссию, которую возглавил директор департамента общих дел МВД П.П. Башилов², вошли представители пяти министерств: Внутренних дел, Иностранных дел, Военного, Снабжения и Путей сообщения³. Комиссия провела ряд заседаний вплоть до конца ноября 1918 г. в ходе которых были разработаны церемониалы встреч британских, французских и итальянских войск и решен ряд организационных вопросов.

Первыми удостоились торжественной встречи три британских эшелона, прибывших в Омск 26 октября 1918 г. Встреча предполагала построение почетного караула из войск Сибирской армии и чехословацких частей, взаимные приветствия и церемониальный марш английских войск. Затем гостям предлагался обед, после которого войска следовали в отведенные им помещения. На торжестве должны были присутствовать представители «правительства, ведомств, города, Красного Креста и городских дам», а также кадеты местного корпуса и учащиеся⁴. В публикации «Сибирского вестника», посвященной событию подчеркивались важность и символичность мероприятия: «Развевающиеся союзные, национальные и сибирские флаги, и небывало многочисленная толпа приветствовавших союзный отряд – представляли зрелище еще небывалое в

¹ Сахаров К.В. Белая Сибирь (внутренняя война 1918-1922 гг.). Мюнхен, 1923. С.33.

² ГАРФ. Ф. Р200. Оп. 1. Д. 27. Л. 19.

³ ГАРФ. Ф. Р3952. Оп.1. Д.1. Л.14.

⁴ Там же. Л. 45.

Омске. Этот день показал, что узы, связывающие союзные нации на борьбу с общим врагом по-прежнему крепки»¹.

В честь британских войск был дан парадный спектакль, на котором присутствовали английские офицеры и солдаты, члены Директории и Административного совета. Английские военнослужащие уверяли, что цель приезда их в Россию – «вместе с русским бороться за идею свободы и полного народовластия, чтобы общими силами сломить упрямство германских империалистов и заставить германскую коалицию признать условия всеобщего демократического мира». Отправлявшиеся на Уфимский фронт британцы заявляли – «английская демократия не даст раздавить русскую демократию»². В подтверждение этого позднее, газеты сообщали о «высокой доблести английских артиллеристов на уфимском фронте»³.

Встреча следующего – французского – эшелона состоялась как раз во время получения известий о перемирии на Западном фронте, что сделало мероприятие еще более торжественным. Официальные заявления и публикации, призванные всячески подчеркнуть единство «двух великих народов» были полны энтузиазма. Прибытие «долгожданных гостей» являлось очередным доказательством того, что союзники не бросили Россию, и должно было вселять уверенность в скорой победе антибольшевистских сил.

В «Вестнике временного правительства» отмечалось – «Сегодня мы приветствуем французов, потомков тех, кто не раз спасал интересы цивилизации». «Французы явились к нам во имя торжества свободы, права и порядка»⁴. По поводу встречи газета сообщала: «Омск давно уже не видел такого подъёма, как в этот день. Эта встреча оставила неизгладимый след в нашей памяти навсегда». Стремление вызвать у читателя симпатии к

¹ Омск. Встреча английских войск // Сибирский вестник (Омск). 1918. 27 окт.

² Свободный край (Иркутск). 1918. 5 ноября.

³ Сибирская речь (Новониколаевск). 1918. 27 дек.

⁴ Вестник временного всероссийского правительства (Омск). 1918. 13 ноября.

французам проявлялось даже в портретных зарисовках – «видны гости, они стройно замерли в дверях и окнах вагонов, отвечая на приветствие. Все молодые, стройные, очень красивые и мужественные люди. Это французские воины ... Французы улыбаются; многие из них машут и кричат *vive la Rus*»¹.

Помощь союзников объяснялась не только их благородностью и бескорыстным стремлением нести мир. Если до капитуляции Германии присутствие в России иностранных войск объяснялось необходимостью ведения мировой войны, то теперь поддержка Антанты рассматривалась, в том числе и как благодарность союзников за ту помощь, которую Россия оказывала им в 1914-1917 гг. «Кровавая жертва России, смерть сотен тысяч русских бойцов, павших смертью храбрых на полях Галиции и Пруссии не пропала даром. Россия четыре года тому назад спасла Францию, теперь Франция спасет Россию» – гласил экстренный выпуск телеграмм Информационного Отдела Штаба Верховного главнокомандующего².

Окончание войны не могло не беспокоить руководство Директории также в связи со скорым созывом мирной конференции. Отсутствие единого правительства в стране раздираемой гражданской войной ставило под угрозу участие России в послевоенном урегулировании. Как, справедливо отмечалось в правительственной газете, «конгресс наций не будет ждать, пока Россия решит свои внутренние политические и социальные споры и пока в результате всех осложнений и перипетий гражданской войны в ней выявится окончательная форма и состав власти и порядка»³. Главными задачами, требовавшими скорейшего выполнения являлись, по мнению, правительства, создание единой власти на всей территории России и установление прочного международного положения страны⁴.

¹ Французы в Омске // Вестник Временного Всероссийского правительства (Омск). 1918. 14 ноя.

² ГАРФ. Ф. Р3952. Оп.1. Д.1. Л.76.

³ Вестник временного всероссийского правительства (Омск). 1918. 12 ноября.

⁴ Там же.

В связи с этим особую роль приобретал лозунг «Единой, великой и неделимой России», который и ранее появлялся на страницах официальной и кадетской печати, став в итоге основным лозунгом правительственной пропаганды. Участие России в мирной конференции напрямую, по мнению белых, зависело от того, как скоро будет восстановлено единство страны. При этом «неисчислимые жертвы, которые понесла наша родина в эту войну», а также тот факт, что, несмотря на выход из войны части страны «другие то части нашей родины самоотверженно продолжали борьбу, открыто и вооруженной рукой протестуя против Бреста...»¹ выступали, в глазах белых, своего рода пропуском на будущую мирную конференцию.

Каждый элемент лозунга «Единая, великая и неделимая Россия» нес в себе определенный набор смыслов и при этом, мог быть истолкован достаточно свободно. Заложенные в данных элементах смыслы создавали определенный контекст, в рамках которого происходило наделение образа союзников теми или иными чертами и характеристиками.

Идея *величия* России, как отмечает В.Д. Зимина, расшифровывалась каждым участником белого движения по-своему. Положение о величии «никогда не воспринималось однозначно как возврат к дофевральскому образцу правления»². Вместе с тем, с точки зрения международного положения, возрождение величия России трактовалось как возврат в период ее наивысшего могущества, восстановление статуса великой державы и равных отношений с союзниками. Так, Н.Д. Авксентьев заявлял о необходимости «введения свободной России снова в семью союзных нам наций, как равноправного и всеми признанного члена»³.

Признание Временного Всероссийского правительства союзниками могло значительно укрепить его статус и решить проблему с доступом на

¹ Там же. 14 ноября.

² Зимина В.Д. Белое дело взбунтовавшейся России: Политические режимы Гражданской войны 1917-1920 гг. М., 2006. С. 93.

³ Вестник Временного Всероссийского правительства (Омск). 1918. 7 ноября.

будущую мирную конференцию. Однако, союзники не спешили признавать правительство, видя шаткость его положения. Таким образом, Директория, не добившись широкой поддержки внутри страны, и признания иностранцами, оказалась обречена на падение.

18 ноября 1918 г. в результате переворота к власти пришло правительство адмирала А.В. Колчака. По словам Г.К. Гинса, «ни французы, ни англичане не проявляли никакого сожаления о падении Директории»¹. Таким образом, весь комплекс проблем в области международного положения России, стоявших перед Директорией, теперь необходимо было решать новому правительству.

Одной из первых инициатив Российского правительства стало принятие на себя всех денежных обязательств царского и Временного правительств. «Государство Российское всегда свято выполняло принятые на себя обязательства перед своими гражданами и перед народами, связанными с ним договорными актами, – подчеркивалось в опубликованном в связи с этим правительственным воззванием. – Так было и в разные моменты великой войны 1914 года, когда своею верностью договорам Россия оказала спасительную помощь своим союзникам»². Тем самым новая власть, объявляя себя правопреемницей правительств, легитимность которых союзники не подвергали сомнению, рассчитывала на то, что и она будет признана Антантой. Кроме того, заявляя о своей верности договорам, правительство ожидало от союзников ответных положительных для себя действий.

В Декларации, выпущенной в связи с окончанием мировой войны, правительство благодарило союзников за то, что те «принудили Германию отказаться от Брестского мира, обязали ее очистить русские земли и прекратить расхищение русского народного достояния». Данный шаг

¹ Гинс. Г.К. Указ соч. Т.2. С. 61.

² Декларация Российского Правительства. 21 ноября 1918 г. // Правительственный вестник (Омск). 1918. 24 ноября.

рассматривался как залог того, что «ожидающая воссоединения, Россия получит возможность возвысить свой голос при мирных переговорах и внести свою долю участия в устройении жизни народов на новых, незыблемых основах тесного содружества»¹.

Издания, поддержавшие переворот 18 ноября, были заинтересованы в распространении информации, подтверждавшей стремление союзников сотрудничать с Верховным правителем. Публикация соответствующих высказываний союзных представителей служила этому как нельзя кстати. Так, в газетах был напечатан отзыв полковника Дж. Уорда о А.В. Колчаке, который считал, что «имея таких людей, русское правительство сумеет справиться с задачей восстановления порядка в государстве», и верил, что, Россия выйдет из своего тяжелого положения обновленной, еще более славной, чем была раньше»².

Формирование положительного образа союзников в контексте рассуждений о величии и единстве России позволяло белым обосновывать необходимость оказания помощи России со стороны союзников, в тех условиях, когда, по словам Г.К. Гинса, «основной фактор союзнической интервенции – война с Германией – сразу отпал, и сразу изменились задачи союзников»³.

19 ноября 1918 г. Управляющей иностранных дел в правительстве А.В. Колчака, Ю.В. Ключников в беседе с журналистами отметил, что «условия перемирия дают России возможность считать, что ни одно из обещаний ее союзниками не забыто, что она ими не покинута и снова может стать великой и сильной». «Международная обстановка, по словам управляющего, сложилась таким образом, что сильная Россия нужна всем. Она – необходимое условие международного равновесия и вместе с тем условие образования лиги наций, или лиги государств, которая по благородному

¹ Декларация Российского правительства // Там же. 10 дек.

² Свободный край (Иркутск). 1918. 11 дек.

³ Гинс Г.К. Указ соч. Т.2. С. 62.

почину президента Вильсона, должна быть создана как итог войны и предотвращение будущих войн»¹.

Тезис о том, что мощная, возрожденная Россия нужна союзникам, впоследствии активно применялся в пропагандистской риторике Омского правительства и поддерживавших его сил. Подобные рассуждения должны были убедить читательскую аудиторию – иностранцы не бросят белое движение, борьба антибольшевистских сил за «возрождение величия» страны, несомненно, справедлива и будет поддержана цивилизованным мировым сообществом. Основанием для такой поддержки, по мнению белых, являлись общность целей и ценностей. Особое внимание в связи с этим уделялось принципам демократии. Еще Директория в своем обращении к Американскому правительству, апеллировала к демократическим ценностям, изображая большевистский режим как диктатуру, «прикрывающуюся на словах демократическими принципами, на деле попирающую их ногами». Обращаясь к США за помощью в борьбе против большевиков, правительство тем самым выставляло себя в качестве защитника демократии, борца против «тирании», «варварства» и «диктатуры»².

Будущая Россия мыслилась лидерами и идеологами белых как демократическое государство, хотя «все рассуждения о демократии носили весьма пространый характер»³. Заявления о важности демократических принципов, редко выходили за рамки деклараций, не получая какой-либо конкретизации. Тем не менее, тезис о демократичности антибольшевистских режимов был необходимым условием для налаживания коммуникации с союзниками.

¹ Международное положение России и государственная власть // Правительственный вестник (Омск). 1918. 21 ноября.

² Обращение Временного Всероссийского Правительства к Американскому правительству // Вестник Временного всероссийского правительства (Омск). 1918. 8 ноября.

³ Зимина В.Д. Указ. соч. С.95.

Победа стран Антанты в мировой войне олицетворяла собой победу демократии и права над авторитаризмом, «хищничеством и насилием в международной политике». Г.К. Гинс, выступая с речью, на собрании «Союза Возрождения», посвященном окончанию мировой войны, заявлял: «Победа союзников – это победа тех идей, которым поклоняется возрождающаяся Россия»¹.

Возвращение обновленной, демократической России в когорту великих держав, рассматривалось как вполне закономерный итог войны. «Неисчислимые жертвы», которые несла Россия в ходе войны, обеспечивая победу союзной коалиции, давали ей, по мнению белых, право, на получение союзной помощи. Данная помощь, как отмечалось в газете «Правительственный вестник», «является одним из результатов общей победы, порядочная доля которой принадлежит, по общему признанию союзников, нам – русским»².

Весьма примечательно, что актуализация в официальной риторике темы потерь России и ее вклада в победу Антанты являлась, по сути, реанимацией заложенного во время мировой войны стереотипа о союзниках, воевавших «до последней капли крови русского солдата». Сформировавшееся к 1917 г. убеждение в том, что успехи Антанты куплены ценой огромных жертв России, изначально выставлявшее союзников с негативной стороны, в новых условиях использовалось для того, чтобы доказать необходимость помощи антибольшевистскому движению и побудить союзников к оказанию этой помощи.

Другой негативный стереотип – мнение о расчетливости и неискренности западных держав, в новых условиях служил почвой для рассуждений о том, что иностранцам с точки зрения экономики выгоднее иметь отношения с сильной Россией. Так, в газете «Русская речь»

¹ Россия во время и после войны // Правительственный вестник (Омск). 1918. 29 ноября.

² Международное положение России и государственная власть // Там же. 21 ноября.

отмечалось, что «союзы должны учесть не только необходимость содействовать водворению порядка в стране и торжеству в ней начал права они, несомненно, должны учесть и свои интересы, во имя которых им надлежит оказать помощь России». Интересы эти были связаны с тем что «Россия представляла и теперь, после мировой войны не только интересный, но и необходимый для союзников рынок для покупки сырья и для сбыта продуктов своей промышленности»¹. Помимо этого, в прессе указывалось на то, что Франция и Британия – крупнейшие кредиторы России – заинтересованы в ее воссоздании, «ибо только единая, великая Россия, спаянная прочным правопорядком в состоянии выполнить свои обязательства как должник»².

Революционные события в Германии давали повод печати говорить о том, что большевизм – «угроза всему цивилизованному миру», следовательно, интервенцию в Россию нужно продолжать до окончательной победы над красными. Накануне нового 1919 г. некоторые издания высказывали мнение, что Антанте выгоднее как можно скорее разгромить большевиков для того, чтобы заняться европейскими делами. «Отечественные ведомости», в связи с этим писали, писали: «Помощь союзников, снабжающих наши фронты всеми средствами войны, до знаменитых танков включительно, не замедлит сказаться самым решительным образом. Нам и нашим союзникам невыгодно затягивать зимнюю кампанию. Мировая обстановка, диктует решительные и быстрые действия, а мирный конгресс, на котором будет представлена и Россия, вынуждает ликвидировать российскую неурядицу в течение ближайших месяцев или даже недель»³. Однако этим радужным прогнозам не суждено было сбыться.

¹ Русская речь (Новониколаевск). 1918. 15 ноября.

² Свободный край (Иркутск). 1918. 12 ноября.

³ Обзор печати // Русская речь. (Омск). 1918. 27 дек.

Продолжая верить в то, что союзники крайне заинтересованы в оказании помощи белым в деле возрождения величия России, политические и общественные круги белой Сибири порой чересчур оптимистично воспринимали те или иные их внешнеполитические шаги. В мае-июне 1919 г. произошел обмен телеграммами между Омском и союзниками по вопросу о признании правительства адмирала А.В. Колчака. Вся сибирская пресса находилась в ожидании скорейшего признания Омского правительства.

Тогда же в прессе появилась информация о том, что Югославия уже признала данное правительство как всероссийское. «Югославия является всецело почти, созданием Англии и Франции, совершенно ясно, что правительство ее не решилось бы на такой важный шаг в международной политике без согласия держав покровительниц» – считала газета «Военные ведомости». Исходя из того, что две этих державы дали свое согласие на признание омского правительства Югославией, редакция газеты делала вывод – «стало быть, они и сами не далеки от этого»¹.

«Томские губернские ведомости» отмечали, что русское государство, которое воссоздавалось, по мнению газеты, именно стараниями правительства А.В. Колчака, было «кровно необходимо не только самому русскому народу, но необходимо и Франции, и Англии, и Италии, и Соединенным Штатам, и Японии»². Однако признание, которое расценивалось как «первый шаг международного решения ввести вновь Россию в круг великих держав и помочь ей вернуть то положение, которое она занимала ранее», в конечном счете, так и не состоялось.

В июле 1919 г. положение колчаковских войск значительно ухудшилось. Любые, даже мелкие, неудачи на фронте провоцировали волны слухов и паники в тылу. Н.В. Устрялов, характеризуя обстановку, писал – «в

¹ Военные ведомости (Новониколаевск). 1919. 28 мая.

² Томские губернские ведомости (Томск). 1919. 9 июня.

тылу – гнусная грызня генералов, обывательская паника, рост общественного недовольства – верный спутник неудач»¹.

Официозная печать, призывала общественность к поддержке правительства и в то же время продолжала уповать на помощь Антанты, используя знакомый прием для успокоения сибирского населения. «Бесспорно то, что Россия имеет право на самую широкую помощь со стороны союзников в том, чего ей недостает. И не только потому, что она эту помощь заслужила, а потому еще, что эта помощь России нужна в одинаковой мере и самим союзникам. – отмечалось в передовой статье кадетского «Свободного края». – В восстановлении России и возвращении ей ее государственных форм и державного облика заинтересованы все союзные государства, во-первых, потому, что превосходно учитывают иллюзорность нынешнего международного благополучия при условиях царящего в России хаоса, а во-вторых, потому, что они немало вложили капиталов и ценностей и стремятся, чтобы они не пропали»².

Подобная уверенность в заинтересованности стран Антанты в воссоздании «великой России» свидетельствовала о чересчур завышенных ожиданиях, и идеализации союзников. Пытаясь рационально осмыслить политику держав Согласия, идеологи белой Сибири, вполне справедливо отмечали, что Антанта будет помогать России постольку поскольку: «постольку то или иное наше положение имеет значение для них самих, постольку они идут нам на помощь»³. Однако опираясь на представления о Западных странах как о расчетливых приверженцах реальной политики, белые все же не избежали искажения данного стереотипа в благоприятную для себя сторону. Надежды на то, что интересы движимых расчетом иностранцев обязательно совпадут с интересами белого движения,

¹ Устрялов Н.В. Белый Омск. Дневник колчаковца // Русское прошлое: альманах. СПб., 1991. № 2. С.304.

² Свободный край (Иркутск). 1919. 18 июля

³ Свободный край (Иркутск). 1919. 3 янв.

превратились в веру, которая, несмотря на противоречащие факты, сохранялась вплоть до осени 1919 г.

Другую важную составляющую идеи «Единой и неделимой – тезис о *единстве*» следует рассматривать как минимум в двух значениях. Первое подразумевало территориальное единство страны, и в данном случае смыкаясь с понятием неделимость/нераздельность России выражало идею сохранения целостности государства. Другое значение термина «единство» подразумевало, как отмечает В.П. Слободин, «общенациональное объединение всех слоев российского общества»¹. Большевистским лозунгам интернационализма и классовой солидарности пролетариата, белые стремились противопоставить идею «духовного, политического единства русской нации при ее разнородном составе»², которая подразумевала национальное, межклассовое, и межпартийное единение.

Тема единства общества, как уже отмечалось выше, являлась одной из ключевых в официальной и партийной пропаганде в период существования без исключения всех антибольшевистских правительств. Заострение внимания на том, что интервенция союзников, осуществляемая с благими целями, на деле является очередным унижением России, – являлось сознательным давлением на «болеву точку», попыткой разбудить угасший патриотизм в среде сибирской общественности, заставить прекратить партийные склоки, сплотиться вокруг центральной власти и активизировать борьбу с большевиками.

Кроме того, положительный пример союзников неоднократно выступал своего рода эталоном, с которым белые сравнивали самих себя. Результаты подобных сравнений чаще всего были не в пользу русских. «Если нам еще мало своих отрицательных уроков, будем учиться у союзных старейших демократий, где перед делом спасения свободы и национальности от

¹ Слободин В.П. Белое движение в годы гражданской войны в России (1917–1922 гг.). М., 1996. С. 71.

² Свободный край (Иркутск). 1919. 4 июня.

германского погрома склонили головы все общественные группы, рухнули все перегородки – в едином стремлении к победе и возрождению. В национальном единстве – спасение», – отмечалось в «Вестнике Временного Всероссийского правительства»¹.

Надо сказать, что нередко прием сравнения применяла кадетская печать. Чаще всего в качестве эталона выступала Великобритания, которую кадетские издания рассматривали как образец для подражания, идеал политического и общественного устройства, к которому должна стремиться Россия. Такой взгляд на Англию сложился в программных установках партии народной свободы накануне и во время мировой войны. Победа Антанты лишь укрепила данное представление. Как отмечала газета «Русская речь», несмотря на заслуги Франции, «Англия – та страна, которая явилась истинным организатором победы». Англичане и американцы, по словам газеты, «показали миру необыкновенную силу англо-саксонского духа – изумительную выдержку, непоколебимую настойчивость и трезвость взгляда»².

Особое внимание обращали кадеты на демократизм англосаксов, отличающийся «строгой законностью, сознанием которой проникнуты широкие массы населения», и «эволюционном направлении общественной мысли». Предполагалось, что именно по данному образцу «пойдет развитие государственности и других народов». При этом кадеты не упускали возможности раскритиковать своих политических оппонентов – социалистов, отмечая: «в Англии и Америке, в противоположность, нашей революционной демократии, не смотрят на революцию, как на абсолютную цель и не делают из революции божка, пред которым должно быть принесено в жертву все: и родина, и здоровый патриотизм»³.

¹ Вестник Временного Всероссийского правительства (Омск). 1918. 7 ноября.

² Русская речь (Новониколаевск) 1918. 22 ноября

³ Свободный край (Иркутск) 1918. 8 ноября

Представители сибирских отделений партии народной свободы считали, что для спасения России в экстремальных условиях революции и гражданской войны, необходимо усиление полномочий государства, следствием чего стала их поддержка диктатуры А.В. Колчака. Приводя в пример Англию, кадеты стремились показать, что, несмотря на важность демократии, первоочередной ценностью должны являться интересы государства. Особый интерес ряда кадетских газет вызвала речь полковника Дж. Уорда по случаю его прибытия в Сибирь.

По словам автора одной из статей в газете «Свободный край», «ему привыкшему сочетать самые демократические идеалы его страны с преданностью своему королю, ему всегда и везде ставящему на первый план интересы родины, прямо-таки недоступной пониманию показалась эта атрофия национального чувства, этот наш самобытный «интернационализм», которым отмечена русская жизнь от верхов до низов»¹. «Перед нами, – отмечалось в другой публикации, – бодрые не знающие этой ужасной болезни – партийности, твердые англичане. Люди сгущенной воли». Отметив превосходство британцев в политическом и военном плане, автор призывал «взять с них пример, отбросить партийную рознь»².

Классовой борьбе и интернационализму сибирские либералы стремились противопоставить тезис о необходимости социального мира и возможности решать конфликты посредством договора между классами. Примером служили английские тред-юнионы. «Сибирская жизнь» писала по этому поводу: «дисциплинированные, обеспеченные колоссальными забастовочными фондами английские рабочие отличаются завидной выдержкой. В отличие от истерического поведения российских рабочих». «В то же время русская буржуазия не чета английской. – отмечалось далее в газете. – У нас нет класса буржуазии в европейском смысле этого слова. Есть

¹ Там же. 18 окт.

² Там же. 20 окт.

небольшая группа промышленных деятелей, много стяжателей и целые тучи спекулянтов»¹.

Сравнению с английским идеалом подвергалась и интеллигенция. Кадетская печать призывала «мягкотелую русскую интеллигенцию», «отрешиться от своих пороков» и учиться, у тех же «наших друзей, англичан, быть твердой и решительной»².

Сравнивая Россию с Британией, кадеты указывали на отсталость России в той или иной сфере, призывая использовать опыт «просвещенного Запада» при построении новой государственности. Например, рассуждая о проблемах права газета «Свободная Сибирь», отмечала – «наши судебные уставы – это наша великая хартия вольностей, ибо в деле защиты свободы личной, они имели такое же значение, как великая хартия в Англии». Разница в том, что в Англии хартия в 1215 г. была создана английским национальным гением и одновременно с ней зародились и конституционные учреждения, а наши судебные уставы появились у нас как экзотическое растение, вне всякой связи с остальными сторонами нашей жизни»³.

Стремясь убедить читателей в победе антибольшевистских сил, газета «Военные ведомости» цитировала британского проф. Перса и полк. Уорда, которые, по словам издания, верили в благоприятный для белых исход борьбы. Характеризуя англичан, газета уже по традиции отмечала их превосходство перед русскими, в публикации они характеризовались как: «воспитанные в духе глубокой любви к своему народу без различий классов и партийных группировок, умеющие подчинять свои частные интересы интересам общим, понимающие, в противоположность нам русским, что наряду с правами, данными государством своим гражданам, существуют обязанности перед ним...»⁴.

¹ Сибирская жизнь (Томск). 1919. 5 марта

² Свободный край (Иркутск). 1919. 29 апр.

³ Свободная Сибирь (Красноярск). 1918. 9 октября.

⁴ Что говорят о нас англичане // Военные ведомости (Новониколаевск). 1919. 6 июня.

Как отмечают А.В. Голубев и О.С. Поршнева, «образы «Чужих» были проекцией национальных, политических, религиозных и иных идеалов, а также идеалов и ценностей отдельных слоёв общества»¹. В данном случае, формировавшийся на страницах кадетской печати образ союзников (в частности Британии) во многом отражал политические предпочтения «государственно-мыслящей» общественности белой Сибири. В образе англичан ярко проявились национальные и политические стереотипы, бытовавшие в среде русской интеллигенции в начале XX века. В соответствии с традициями западничества, Британия рассматривалась как носительница европейских культурных ценностей, к которым России, «поздно вступившей в семью европейских культурных народов и отставшей в развитии» необходимо приобщаться, «в особенности сейчас, когда мы так жестоко потратили и то немногое, что имели»².

Необходимо отметить, что в аналогичные характеристики и рассуждения публиковались и в отношении других стран союзной коалиции. Так, читинские и владивостокские газеты консервативного направления развернули целую кампанию в пользу создания положительного образа Японии и японских войск. Так, по словам газеты «Дальний восток» японцы «...очень энергичны, у них светлая будущность в мировой культуре, они не истощены войной, самостоятельны и свободны в международной политике и, главным образом, связаны с нами как сильной нацией, общими задачами на Дальнем Востоке. Наближайший политический путь, – резюмировала газета, – с Японией, а через нас и сама она скорее приблизится к общей европейской цивилизации»³.

Пример Франции, выдержавшей на себе четыре года окопной войны, использовался как показатель стойкости, на который необходимо равняться.

¹ Голубев А.В., Поршнева О.С. Образ союзника в сознании российского общества в контексте мировых войн. М., 2012. С. 12.

² Свободный край (Иркутск). 1919. 27 апр.

³ Дальний восток (Владивосток). 1919. 30 марта.

«Мы многому еще должны поучиться у Запада и в первую очередь его действенному патриотизму, его изумительному и величественному равенству – всеобщему равенству в повинности кровью, когда того требует Родина», – отмечалось в «Нашей газете»¹.

В то же время левая печать предпочитала выражать симпатии по отношению к США. Значительную по масштабам работу по формированию собственного положительного образа развернули и сами Соединенные Штаты. Американское Бюро Печати, имевшее отделения во всех крупных городах белой Сибири и Дальнего Востока являлось крупнейшей иностранной информационной организацией, действовавшей в России². АБП распространяло на территории России собственные издания на русском языке, среди которых необходимо отметить еженедельный журнал «Дружеское слово», на страницах которого формировался положительный образ Америки – как оплота демократии и крупнейшей экономики мира.

Подводя итог, следует отметить, что рассуждения, на основе которых конструировался положительный образ той или иной союзной державы или их совокупности, основывались на системе ценностей и идей, отстаиваемых белыми. Ярким примером подобной идеи как раз являлась «Великая, единая и неделимая Россия». На данную систему ценностей, как на фундамент укладывались сведения о военно-политической и экономической помощи союзных стран, официальные выступления представителей, выражавших симпатию Омску, а также восприятие осязаемых результатов данных заверений – поставки военного снаряжения, финансовая и иная помощь, участие войск интервентов в боевых действиях против большевиков.

Идея «единой, великой и неделимой России», таким образом, оказала сильное влияние на восприятие внешней политики стран Антанты. Стремление антибольшевистских сил получить поддержку со стороны

¹ Налог крови // Наша газета (Новониколаевск). 1919. 25 окт.

² Подробнее см. Привалова Е.А. В союзе с белогвардейской прессой: Американское Бюро Печати в Советской России (1917-1920 годы). М., 1990.

бывших союзников по мировой войне выразилось в формировании положительного образа союзников в печати и поисках обоснования для их вмешательства в гражданскую войну в России на стороне белых.

Публикации, в которых утверждалось, что сильная, единая Россия выгодна союзникам экономически и необходима для сохранения баланса сил в послевоенной Европе, были адресованы как российской общественности, так и самим союзникам. Если в первом случае подчеркивание солидарности белых правительств и стран Антанты, служило укреплению престижа антибольшевистских сил. То во втором – должно было подтолкнуть союзные страны к более активной политике в отношении России. Уверенность в том, что союзники разделяют идеи белых относительно необходимости величия и территориального единства России, привела к искаженному восприятию политики стран Антанты и созданию их идеализированного образа. Опираясь на возрожденные стереотипы о «благородных союзниках», сложившиеся в период мировой войны, белые, зачастую выдавали желаемое за действительное. Вера лидеров антибольшевистских сил в то, что союзники обязаны им помочь обернулась, в конечном счете, крахом надежд и разочарованием в идеях единства и общности интересов России и Западных стран.

2.2 Отрицательные стороны интерпретации образа союзников в официальной и проправительственной печати белого востока

Рост недовольства союзниками в прессе и обществе происходил параллельно с попытками власти и партийных кругов повлиять на отношение населения к союзникам. Основными причинами недовольства являлись взаимоотношения держав Антанты и России на высшем дипломатическом уровне и их проявление в виде действий и поведения представителей союзных стран, находившихся непосредственно в России.

Первые признаки недовольства по отношению к союзникам появились уже осенью 1918 г. Как уже отмечалось выше, беспокойство дальневосточной и сибирской печати вызвали достаточно агрессивные действия японцев в Забайкалье, а также активная экономическая экспансия, которую начали предприниматели страны восходящего Солнца под прикрытием японских штыков.

Особое внимание печати привлекала проблема скупки иностранцами, прежде всего японцами, американцами и китайцами, недвижимости, предприятий, сырья и различных товаров на российском Дальнем Востоке. Весьма живо на это отреагировала кадетская печать.

В газете «Забайкальская новь» отмечалось, что еще до выступления Японии в Сибири, японские предприниматели усиленным образом скупали в Манчжурии все самые лучшие русские предприятия. Это, по словам, газеты, приводило к росту безработицы среди русских рабочих и служащих. Опасаясь «хищнического и захватнического японского капитала», газета возлагала надежду на «культурный» капитал англичан и американцев, к экономической помощи которых прибегнуть «выгоднее и полезнее», при том условии, если России все же суждено к этой помощи прибегать¹.

Редакция иркутской газеты «Свободный край» считала, что «страшно нашествие крупного капитала», захватывающего крупную промышленность, «но еще страшнее пришествие мелкого», проникающего «во все поры нашей жизни» и способного «хозяйничать как угодно». В одной из передовых статей издания, автор, рассуждая на тему распродажи, констатировал, что происходит «обычная картина мирного завоевания края». Критиковались при этом не только японские капиталисты, но и их русская буржуазия, совершающая «тяжкий грех перед родиной, за который придется расплачиваться потомству»².

¹ Письма из Китая к японизации Северной Манчжурии, русского Дальнего Востока и Сибири // Забайкальская новь (Чита). 1918. 2 окт.

² Свободный край (Иркутск). 1918. 10 окт.

По мнению редакции омской «Зари» цели Японии в Сибири были достаточно ясны. «Ее цель – поддерживая сепаратистские стремление на Дальнем Востоке, добиться выделения его в автономную провинцию с преобладающим экономическим и политическим влиянием Японии»¹.

Проблема экономической экспансии иностранцев сохранялась на протяжении всего существования антибольшевистской власти на востоке России. Будучи тесно связанной с множеством внутренних российских проблем в экономической сфере, обострившихся до крайности в годы гражданской войны, она также в определенной мере оказывала воздействие на восприятие обществом союзников. Сообщения об экономической экспансии, предопределявшие негативное восприятие союзников, в то же время вступали в противоречие с информацией о союзной экономической помощи Сибири, что в итоге, не могло не формировать достаточно смутных представлений о конечных целях союзников у сибирского обывателя.

На фоне множества сообщений и заявлений о помощи, но отсутствия реальной, прежде всего политической и военной поддержки со стороны союзников постепенно возникало недоумение и недовольство по поводу политики союзников. Настроение многих газет выражали слова «Голоса Приморья» о том, что сообщения о помощи вызывали, несомненно, чувство благодарности, но «самый лучший и самый верный способ и финансовой и прочей иной помощи» – «решительный удар вооруженной силой по большевистскому зверю»².

Вместо этого удар был нанесен по репутации союзников, причем ими же самими. 23 января 1919 г. в Омск поступила телеграмма от представителя России в Париже С.Д. Сазонова, сообщавшая о резолюции пяти союзных держав. Согласно ей, «все части и отдельные группировки России, в том числе и большевистские, располагающие на местах политическою или

¹ Японские цели в Сибири // Заря. (Омск). 1919. 3 янв.

² Голос Приморья (Владивосток). 1919. 19 янв.

военною властью приглашены прислать к 15 февраля по три представителя на Принцесы острова, куда съедутся представители великих держав». Целью конференции объявлялось выяснение политических пожеланий этих частей и достижение общего между ними соглашения. В то же время, предполагалось «объявление общего перемирия, прекращающего всякие неприязненные действия»¹.

Реакция на предложение большинства изданий востока России, за исключением ряда социалистических газет, была резко отрицательной. По словам редактора «Отечественных ведомостей» А.С. Белоруссова, «эта практическая форма дружеского соболезнования перед лицом всех торжественных официальных заверений, по правде сказать, сильно смахивает на издевательство»². Омская правительственная печать выступила с критикой предложения союзников, заявив – «было бы ошибочным думать, что русская общественность пойдет на примирение с большевиками»³.

Расценив инициативу союзников как оскорбление России «государственно-мыслящая» печать считала, что «союзники должны допустить на конференцию представителей правительства адмирала Колчака, ибо русский народ заслужил это, принеся в жертву 9 миллионов человек во имя мира»⁴. Ощущая свое неравноправие с союзниками в текущих условиях, белые использовали для отстаивания своих прав на представительство то небольшое, что у них оставалось – вклад России в победу Антанты.

В дальнейшем мотив понесенных Россией потерь все чаще применялся в контексте критики союзной политики. Тот факт, что именно американский президент В. Вильсон предложил идею созыва конференции спровоцировал волну критических замечаний в адрес Америки и лично президента. В передовой статье газеты «Свободный край» отмечалось, что «все те, кто

¹ ГАРФ. Ф. Р200. Оп. 1. Д. 58. Л. 1.

² Отечественные ведомости (Екатеринбург). 1919. 28 янв.

³ Политические заметки // Правительственный вестник (Омск). 1919. 29 янв.

⁴ Свободная Сибирь (Красноярск). 1919. 5 февраля.

боролись за единую, неделимую, Россию, полагали, что просьба о помощи, обращенная к союзникам не является попрошайничеством, а простым напоминанием, оказать услугу за оказанную ранее помощь». По словам газеты «в то время, когда Россия истекала кровью, в Америку широкой рекой лилось золото. Россия в общей борьбе потеряла миллионы лучших своих сынов, не говоря о колоссальных материальных жертвах. И в конце 1917 г. лучшие сыны России, борясь с большевиками, боролись вместе с тем и за общее дело союзников». Редакция газеты считала, что союзники «бросают нас на произвол судьбы, вернее отдают на заклание советской власти». Явное недовольство сквозило и в заключительных словах публикации – «быть может, защитникам русской государственности и придется быть побежденными, но история отметит, кто оказался союзником советской власти (вольным или невольным) когда эта власть была накануне падения»¹.

Кадеты, единодушно осудившие на своих партийных конференциях предложение союзников, поспешили заявить, что «у нас все же хватит национальной гордости настолько, чтобы отказаться беседовать с предателями России на каких-то неведомых Принцевых Островах»², и что в таком случае «Россия сама справится с большевиками»³.

Эпизод с приглашением на Принцевы острова стал первой и далеко не последней проверкой на прочность стойкости симпатий антибольшевистских сил к союзникам. Примечательно, что тема вклада России в победу над Центральными державами, до этого упоминаемая в контексте подчеркивания единства с Антантой, вновь, как и в 1916-17 гг. звучала как упрек союзникам.

Задаваясь вопросом о причинах побудивших Державы предложить созыв конференции, авторы статей недоумевали, почему инициатива такого предложения исходила от представителей страны, «первой документально установившей, что большевизм в России – дело рук немцев, что главари

¹ Свободный край (Иркутск). 1919. 2 февр.

² Точки над і // Забайкальская новь (Чита). 1919. 6 февр.

³ Сибирская речь (Омск). 1919. 2 февр.

большевизма – подкупленные агенты Германии»¹. Имелись в виду так называемые «Документы Сиссона», распространявшиеся в России Американским Бюро Печати, и якобы доказывавшие связь большевиков и немецкого правительства. Причиной такой политики союзников считалась неосведомленность политической верхушки стран Антанты о реальном положении дел в России.

«Русская армия» писала по этому поводу: «“Я не знаю, как быть с русским вопросом”, – такая приблизительно фраза была обронена недавно лордом Черчиллем в палате общин. Заявление характерное для наших дней, которое ясно обнаруживает, как мала осведомленность даже у наших старых друзей относительно того, что сейчас происходит в России». В связи с этим звучал призыв усилить осведомление союзников о «созидательной работе нашего национального возрождения»².

На страницах газеты «Новая заря» высказывалось в связи с этим предположение, что «более пристальное внимание, к русскому вопросу приведет союзников к правильной ориентировке и гарантирует от таких поверхностных решений, как решение о Принцевых островах». В связи с этим вновь в прессе поднималась проблема единства антибольшевистских сил. Причиной непонимания иностранцами обстановки в России, считалось отсутствие национальной выдержки, внутренняя путаница среди белых. Предлагаемый способ решения проблемы был прост и не нов – «нужно развеять эти сумбурные представления о наших делах, вступив на путь национального объединения»³.

Ощутимый удар по положительному образу союзников наносили различного рода инциденты с участием войск интервентов, которые неоднократно происходили на протяжении 1919 г. Особое недовольство вызывали американцы. В апреле 1919 г. министр иностранных дел в

¹ Принцевы острова и наша задача // Свободный край (Иркутск). 1919. 12 февр.

² Русская армия (Омск). 1919. 4 апр.

³ Обзор печати // Свободный край (Иркутск). 1919. 13 февр.

правительстве А.В. Колчака И. Сукин вынужден был телеграфировать в Париж: «поведение некоторых американских солдат, их пьянство, разгул и пренебрежение к русским национальным настроениям создают благоприятную почву для противоамериканской пропаганды»¹. Сведения о некорректном поведении интервентов просачиваясь в прессу, становились весомым поводом для критики союзников.

В печати неоднократно публиковались заметки, статьи, письма очевидцев, телеграммы, которые свидетельствовали о низком уровне дисциплины и морали американцев, их враждебности к русскому мирному населению и военным, нежелании воевать с большевиками. Высказывания прессы относительно двойственной политики американцев по отношению к большевикам имели под собой реальное основание. Весной 1919 г. войска США отказались поддержать японцев в боях против большевиков, мотивируя это тем, что они считают большевиков «одной из политических партий в России», и «не имеют права вмешиваться во внутренние дела страны»².

По свидетельствам очевидцев, такое поведение интервентов явно не приветствовалось среди местного населения. Автор одной из статей в газете «Голос Приморья», профессор Бородин, на основании высказываний жителей Владивостока отмечал: «довольно отчетливо можно наблюдать то сдержанное, то ярко выраженное недовольство американцами, обусловленное, по словам собеседников тем, что они не принимают участия в борьбе с большевиками, а иногда даже потворствуют им...»³.

Позже в этой же газете вновь указывалось на «охлаждение в отношениях русского населения к американцам», причем газета винила в этом американское командование⁴. Даже полковник Дж. Уорд,

¹ РГВА Ф.40218. Оп. 1. Д. 121. Л. 19.

² Русский восток (Чита). 1919. 13 апр.

³ Голос Приморья (Владивосток). 1919. 20 апр.

⁴ Там же. 24 мая.

командовавший британским экспедиционным отрядом, писал впоследствии о том, что во многом, именно благодаря бездействию и «покровительству» американцев на территории Восточной Сибири вновь организовались боеспособные и многочисленные отряды красных. Такая политика американского командования, по словам Уорда, привела к тому, что «русские власти враждебно отвернулись от них, а там где этого не случилось, сами американцы принимали враждебную позицию против русских властей»¹.

Как отмечал Г.К. Гинс «реакционные элементы» русского общества «всегда будут отрицательно относиться к заатлантической державе»². Наиболее яркий пример в данном случае представляли читинские консервативные газеты «Русский восток» и «Восточный курьер», а также владивостокская газета «Дальний Восток». Данные издания, занимавшие явную антиамериканскую позицию, стремились создать положительный образ «доблестных японцев», защищающих Сибирь от большевиков, и всячески противопоставляли им «хитрых янки».

«Русский восток», в связи с отказом американцев поддержать японские войска, развернул целую кампанию против США. Автор одной из статей – некто Русский гражданин – подчеркивал, что «в данное время борьба с большевизмом в Сибири ложится исключительно на славных чехословаков, нас русских и доблестных японцев, кровью доказавших нам свою союзническую дружбу». «Американцы, – с сарказмом писал гражданин – явившиеся в мировой войне к «шапочному разбору», «буквально лезут в Россию то в форме каких-то христианских молодцов, затем инженеров, издателей «дружеской литературы», массы коммивояжеров с сельскохозяйственными машинами и прочим добром и даже – вот благодетели то! – армии охранников и чиновников на наших железных

¹ Уорд Д. Указ соч. С. 157-159.

² Гинс Г.К. Указ соч. Т.2. С. 570.

дорогах». В заключение автор статьи призывал американцев «оставить Россию в покое», если они не желают воевать с большевиками¹.

В основе негативных представлений об американцах нередко лежали национальные стереотипы, актуализация которых происходила под влиянием информации, характеризовавшей их с отрицательной стороны, либо личных наблюдений авторов статей, заметок и фельетонов. Так, американцы изображались порой, как беспринципные дельцы, стремящиеся извлечь из событий в России максимальную выгоду. В «Голосе Приморья» в одной из статей, автор которой ранее работал в США, отмечалось, что «для американских коммерсантов сибирский рынок имеет огромный интерес». О Сибири они имели самые отрывочные сведения, и считают, что «туда следует посылать все, что можно перевезти, в особенности из тех товаров, которые в Америке по негодности немисливо спихнуть. Если есть возможность «надуть», они пользуются этим средством как общепринятым. В особенности у них этот взгляд общепринят по отношению к русскому рынку»².

В конце 1919 г. по требованию американцев была закрыта газета «Голос Приморья». Причиной стала публикация, в которой автор, выражал свое разочарование и сомнения в том, что США действительно хотят помогать России. Кроме того, автор, продолжая свои рассуждения об Америке, называл американскую культуру «узколобым атлетом, развившим невероятно свои стальные бицепсы за счет интеллекта». Особое возмущение коллег-журналистов вызвало то, что газета была закрыта без судебного разбирательства, «вопреки принципу свободы печати».

Газета «Дальний Восток», негодуя по этому поводу, вопрошала: «как мирится насилие над печатью с принципами демократии, хотя бы и американской? Как мирится это с Декларацией о невмешательстве во внутренние дела? Как могло прийти в голову американским демократам

¹ Пора понять Америку // Русский восток (Чита). 1919. 13 апр.

² Сибирский Клондайк и американские поставщики // Голос Приморья (Владивосток). 1919. 12 марта.

обратиться к русскому коменданту крепости с требованием закрыть газету?» Отвечая на эти вопросы, газета приходила к неутешительным выводам – «демократия, ставящая себя в пример нам, признает административную расправу со свободной печатью. Значит, Декларация – пустые слова, которым верить нельзя»¹.

Этот, а также ряд других инцидентов с участием американских военнослужащих вызвали откровенное недовольство местной прессы. Газета «Забайкальская новь» отмечала, что неоднократные инциденты с участием американцев, которые «в высшей степени своеобразно понимают задачу своего пребывания в России», «достаточно уже отшатнули русские симпатии от наших заатлантических союзников, в силу этого население приморской окраины, видимо, меньше всего склонно доверять своим «защитникам» американцам». По мнению газеты, своим поведением американцы «создали обстановку весьма близкую к самой резкой вспышке протеста со стороны населения и войск»².

В прессе можно встретить слова относительно США и американцев, подобные данному высказыванию газеты «Восточный курьер» – «Проникнуты ли мы симпатией к этой стране? Нет, ибо народ русский в целом имеет об американцах представления еще меньше чем об англичанах»³. Сами интервенты, замечали, что русские не испытывают симпатий к американцам. Австралиец Лэтчфорд отмечал, что среди американских солдат было значительное количество евреев-эмигрантов из России, которых избегали использовать как за, так и против белого правительства по причине их склонности «к самоопределению для малых народов». К американцам, по его словам, не испытывал благосклонности ни

¹ Дальний восток (Владивосток). 1919. 4 сент.

² Невмешательство // Забайкальская новь (Чита). 1919. 7 окт.

³ Восточный Курьер (Чита). 1919. 30 сент.

один из «оказывающих помощь союзников», а русские когда хотели оскорбить кого-то из интервентов привычно бормотали «Amerikanski»¹.

Впрочем, действия не только одних лишь американцев вызывали недовольство и опасения. В марте 1919 г. японцами и казаками были подвергнуты обстрелу и сожжены деревня Андреевка и села Тамбовка и Ивановка в Амурской области, о чем японский штаб «с прискорбием сообщал» 25 марта в газете «Амурское эхо». Японское командование обещало, что и «впредь будет поступать так же беспощадно с теми деревнями, кои окажут гостеприимство и сочувствие большевикам, а не выдадут их или сами не арестуют»². Откликаясь на данное событие владивостокская газета «Эхо» не «входя в обсуждение справедливости или законности деяния» усомнилась в целесообразности репрессивных мер в отношении «находящихся меж двух огней крестьян»³. Следует отметить также, что активность японцев, по сравнению с другими союзниками, в борьбе против большевиков делала их популярными среди определённой части населения – прежде всего консервативно-настроенного офицерства.

Бездействие большей части союзных войск, присутствовавших на востоке России, за исключением Японии, порождало сомнения в искренности желания стран Антанты помочь. Такая политика союзников, по мнению некоторых, являлась следствием непонимания союзниками сути большевизма. Газета «Голос Приморья» в одной из своих статей обосновывая необходимость борьбы с большевиками, выражала довольно распространенное мнение, называя большевизм «наиболее ярким воплощением идеи интернационализма», стремящимся «убить живую душу народа», причем в «мировом масштабе». Поэтому «интервенция мыслилась не как вмешательство в русские дела, а как содружество в общей борьбе с

¹ Лэтчфорд Е.У. С белой армией в Сибири. Перевод и комментарии В. Крупник [Электронный ресурс] // Сибирская заимка / рук. проекта М. Галушко. Электрон. дан. URL: <http://zaimka.ru/white/latchford.shtml> (дата обращения: 28.04.2015).

² Амурское эхо (Благовещенск). 1919. 25 марта.

³ Эхо (Владивосток) 1919. 15 апреля.

общим врагом всякой народной, всякой самобытной культуры». «И раз наши союзники сошли с этой точки зрения, – продолжала газета, – раз они рассматривают большевизм, как чисто русское, местное дело, раз они не видят в нем своего врага, им лучше всего уйти из России»¹.

Отношение к интервенции и в целом к союзникам на протяжении 1919 г. постепенно ухудшалось, во многом из-за того, что признание правительства А.В. Колчака, несмотря на все ожидания, так и не состоялось, а Россия не была приглашена как полноправная участница на мирную конференцию. Пресса пристально следила за ходом заседаний в Версале, ежедневно публикуя телеграммы из Европы. Выражались надежды, «что союзники найдут пути к привлечению России к участию в договоре Лиги Наций, чтобы придать ему надлежащий авторитет»².

Авторы статей, посвященных анализу международного положения, пытались предугадать, какова будет роль России в будущей системе международных отношений. По словам Н.В. Устрялова, новый мировой порядок оказался «не таким уж и новым». Причиной тому – тот факт, что «проект суверенной “Лиги Народов” не осуществляется в своей принципиальной законченности и цельности, вершителями международной политики остаются по-прежнему “великие державы”. Снова всплывают на сцену знакомый принцип “международного равновесия”...». В этих условиях, по мнению идеолога Омского правительства, «сильная Россия становится существенно необходима миру». Подобный вывод делался на основании уверенности в том, что каждая из группировок великих и малых держав, появление которых считалось неизбежным, будет заинтересована в привлечении на свою сторону России³. Вновь был использован неоднократно уже применявшийся тезис заинтересованности союзников в сильной и единой России.

¹ Голос Приморья (Владивосток). 1919. 5 марта.

² Свободная Сибирь (Красноярск). 1919. 25 июня.

³ Международная перегруппировка // Правительственный вестник (Омск). 1919. 16 марта.

Весьма примечательно, что отстаивая данный тезис в официальной риторике, военно-политическое руководство белого движения на востоке России, на деле сомневались в искренности союзников. Например, в сводке, предоставленной разведывательным отделением, говорилось, о том, что основная задача политики США – «овладение нашим дальневосточным рынком с попутным вытеснением экономического влияния Японии...» и что, «восстановление могущества России едва ли будет отвечать истинным намерениям США ... в силу чего, нельзя ожидать от них искренней и действительной помощи...»¹.

В докладе капитана Симонова, направленном в Штаб Верховного Главнокомандующего 1 апреля 1919 г., подчеркивалось: «иностранные государства, понимая, что 160-миллионный народ, конечно, не может погибнуть, сейчас принимают все меры, чтобы не дать нам возможности скорее выздороветь. В этом наиболее заинтересованы Америка и Япония. При наличии слабой России им легче всего решать свои задачи на побережье Великого Океана»². В конечном счете и сам А.В. Колчак в разговоре с делегатами Омского блока в июле 1919 г. заявлял – «мое мнение – они (союзники – К.К.) не заинтересованы в создании сильной России... она им не нужна»³.

Телеграфные сообщения с информацией о стремлении союзников признать независимость окраин бывшей Российской империи на основе права наций на самоопределение, акцентировали внимание на проблеме сохранения территориального единства страны. Политика союзников стала осмысляться в контексте идеи *неделимости России* – третьей важной составляющей ключевого лозунга белого движения.

¹ Колчак и интервенция на Дальнем Востоке Документы и материалы : сборник. Владивосток, 1995. С. 71-73.

² РГВА. Ф. 39507. Оп. 1. Д. 50. Л. 5.

³ Устрялов Н.В. Указ соч. С. 304.

Представления лидеров и идеологов антибольшевистского движения по вопросу о возможных вариантах государственно-территориального устройства будущей «великой России» различались. Однако большинством из них, нераздельность России понималась как «обязательное восстановление и соблюдение территориальной целостности российского государства и довоенных границ 1914 г.»¹.

Сохранение территориальной целостности России, считалось обязательным условием для достижения ею прежнего величия. В связи с этим особое беспокойство политических кругов белой Сибири вызывал вопрос о статусе бывших окраин Российской империи, приобретших независимость. Стремление создать вокруг России «санитарный кордон» из малых государств расценивалось как угроза стабильности Европы и мира в будущем. «Все одинаково видят неясности в планах всемирного мирового концерта, – писала в июле 1919 г. газета «Русь», – «и все одинаково ответят на эти неясности словами резолюции кадетов: “Политика, преследующая цели расчленения России, откуда бы она ни исходила, будет всегда рассматриваться русским обществом как враждебная русскому народу и его жизненным интересам”. Ибо такая политика несет не мир, а меч. Ибо вне единой и неделимой России прочный мир – пустая утопия», – заключал автор статьи².

«Расчлененная Россия, Россия разрозненная и разрезанная на множество мелких кусочков – это вечная угроза миру и миру – это новые Балканы, способные в любой момент взорвать все здание международного благополучия, – гласила редакционная статья газеты «Свободный край». Решение судьбы России, без участия населяющих ее народов, считалось не только «проявлением бестактности», «грубым нарушением всех норм международного права и попранием демократических принципов», но и

¹ Зимина В.Д. Указ соч. С. 90.

² Русь (Омск). 1919. 10 июля.

«самым жестоким уничтожением тех результатов, которые достигнуты войной, прелюдией к новой кровавой симфонии, значительно более трагической, чем только что оконченная»¹.

Рассуждения об опасности разделения России сопровождались тезисом о том, что окончательное установление мира в Европе невозможно, пока в России продолжается гражданская война, и были адресованы как российской общественности, так и союзникам. Квалифицируя «большевизм настоящего, ставший опаснее кайзеризма прошлого», как «зло не только русское, но и мировое», печать призывала союзников через участие в восстановлении России бороться за стабильность Европы. Однако в то время, как белые, по их мнению, сражались за «мировую культуру и высокие идеалы права и справедливости, которыми жило и живет человечество»², «сильные мира сего», предпочитали усердно культивировать и навязывать маленьким народностям России «самоопределение», больше нужное не «самоопределяющимся», а «самоопределяющим». Что, по словам кадетской печати, вызывало «жгучее чувство горечи и тяжелой незаслуженной обиды, каждого русского гражданина»³.

Понимание того, что ожидание признания и широкой помощи от союзников становится все более бессмысленным, заставляло «государственно-мыслящую» печать говорить о том, что не стоит ждать милостей от союзников и в большей степени опираться на свои силы. Во второй половине 1919 г. белые продолжали рассчитывать на иностранную экономическую и военно-техническую помощь, однако повсеместным стало разочарование в союзниках, выражавшееся на страницах газет. Циркуляция в печати различного рода сведений о стремлении держав не вмешиваться в дела России и многочисленные факты некорректного поведения интервентов привели к тому, что вновь, как и в 1916-1917 гг. образ «благородных

¹ Свободный край (Иркутск). 1919. 28 июня.

² Военные ведомости (Новониколаевск). 1919. 1 авг.

³ Свободный край (Иркутск). 1919. 15 авг.

союзников» потускнел и трансформировался в образ расчетливых дельцов, использующих русский народ в своих интересах.

Разочарование, переходящее нередко в озлобленность против интервентов, стало лейтмотивом многих публикаций конца осени 1919 г., когда положение Российского правительства А.В. Колчака и его войск оставляло желать лучшего. Слишком много разочарований было связано в первую очередь с США. Надежды белых на масштабную экономическую, военную поддержку со стороны заокеанской демократии, которая используя свой огромный экономический потенциал, легко сможет помочь антибольшевистскому движению, так и не оправдались. В военном плане за американцами закрепились репутация «симулированных друзей», которые ведут себя в России «как в стране ими завоеванной», «с бесшабашной разнузданностью, которая совершенно недопустима»¹.

Неоднократно в прессе высказывалось мнение, что присутствие американцев приносило больше вреда, чем пользы. К аналогичному выводу позже пришел и американский генерал В. Гревс, в своей книге заявивший: «я командовал войсками США, посланными в Сибирь, и должен признать, что не знал, чего собственно Соединенные Штаты пытались достичь путем вооруженной интервенции». «Интервенция была громадной ошибкой, непростительным отклонением от общепринятой практики международных отношений, результаты чего вскоре оказались гибельными»².

На фоне роста недовольства политикой США, можно проследить повышение симпатий дальневосточной прессы к действиям Японии. Несмотря на то, что пресса не раз писала о некорректном поведении японских войск, и о репрессиях, чинимых ими в отношении русского населения.

¹ Восточный курьер (Чита). 1919. 12 сент.

² Гревс В. Указ соч. С. 247.

Через год после ввода основных сил японцев на Дальний Восток газета «Восточный курьер» в передовой статье сообщала о переломе общественного мнения в отношении Японии, о том, что даже ее вчерашние враги видят в азиатской державе «источник величия, безграничности, мощи и силы». В заключении же говорилось: «дряхлая Европа сдает свои дела в архив, а легендарная, мощная Азия ждет нас, уставших от борьбы, с распростертыми объятьями»¹.

В то время как ухудшалось положения на фронте, отсутствовала какая-либо решительная помощь от западных союзников, не происходило признания ими правительства Колчака, Япония в глазах читинской прессы оставалась непогрешимой, и на фоне того как «расчетливые мореплаватели» (англичане) и «хитрые янки» «стали играть назад в русском вопросе», одни японцы оставались «друзьями истинными и верными союзниками». Газета подчеркивала, что из всех союзников у России «остается одна лишь Япония», возлагала на нее надежды и рассчитывала, что вопреки «нелепым слухам» японские войска останутся в Сибири².

В то же время предпринимались попытки поиска рационального объяснения того, почему союзники не оказали серьезной поддержки антибольшевистским силам. Так, в одной из статей издания Русского Бюро Печати «Русское дело», указывалось на то, что союзники не смогли осознать большевизм как орудие борьбы германского генштаба и сделать вывод о необходимости продолжения вооруженной борьбы против большевиков в России³. Иностранцы, по мнению белых, просто не понимали сути большевизма и недооценивали его «опасность для всего цивилизованного мира».

Согласно другой, более радикальной точке зрения, союзники попросту надеялись «залить красный интернационал исключительно русской кровью»,

¹ Восточный курьер (Чита). 1919. 1 августа.

² Мы и иностранцы // Восточный курьер (Чита). 1919. 21 сент.

³ Железный закон // Русское дело (Омск). 1919. 9 окт.

а пока ставка на русскую кровь еще не бита, они продолжают делать вид, что чрезвычайно чутко относятся к суверенным правам русского народа...»¹. Тезис – сильная Россия выгодна и нужна Западу, был вытеснен мнением о том, что союзными державами «методически, последовательно подготавливается раздел России по знаменитой формуле: «мир без аннексий и контрибуций на основе самоопределения народов»². Такая политика союзников объяснялась тем, что «единая и великая Россия не входит в планы единых и великих Англии, Франции и Америки»³.

В обоих случаях делался неизбежный вывод – «суровая действительность разочаровала нас насчет единства «европейской культуры», во имя которой велась Великая война, кончившаяся сепаратным миром наших союзников с Германией. Наше дело – русское дело и никто нам не поможет в нем, кроме нас самих»⁴. Положение о необходимости «рассчитывать, прежде всего, на самих себя, на свои силы, а не на иностранцев»⁵ в конечном счете, стало лейтмотивом пропагандистской риторики официальной печати вплоть до падения режима А.В. Колчака. Развивая данный тезис, и считая, что союзный долг перед Россией не выполнен, редакция газеты «Сибирская речь» считала, что Россия в свою очередь не имеет обязательств перед союзниками и вольна распоряжаться своей судьбой, заключать какие угодно союзы и соглашения, устраивать свое будущее как это нужно нам и только нам одним»⁶.

Подобные мнения позволяют сказать, что та часть сибирского и дальневосточного общества, которая имела представление о политических событиях в мире и России и активно ими интересовалась (прежде всего, это жители городов, интеллигенция, служащие) явно разочаровалась в

¹ Союзники и Россия // Забайкальская новь (Чита). 1919. 2 дек.

² Переговоры // Сибирская жизнь (Томск). 1919. 11 дек

³ Союзная арифметика // Наша газета (Иркутск). 1919. 3 дек.

⁴ Русское дело // Наша газета (Томск). 1919. 31 окт.

⁵ Родина (Красноярск). 1919. 28 ноября.

⁶ Сибирская речь (Омск). 1919. 28 окт.

союзниках и интервенции. Причем, следует отметить, что население Западной Сибири чаще сталкивалось лишь с представителями Американского Красного Креста и Христианского Союза Молодых Людей и союзнической гуманитарной помощью, а об американских и японских войсках могло судить только по газетным сообщениям, порой отрывочным и противоречивым.

Дальневосточные и восточносибирские газеты чаще и подробнее писали об интервентах, поскольку находились непосредственно в гуще событий и могли оперативно на них реагировать, поставляя актуальную и злободневную информацию и отклики на нее. Кроме того, критика представителей США и Японии в Приморье и Восточной Сибири падала во многом на благодатную почву, поскольку жители Владивостока, Хабаровска или Забайкалья сами могли не раз столкнуться с негативными проявлениями интервенции. В данном случае, авторы антиамериканских и антияпонских статей, заметок и фельетонов выступали как часть общества и отражали его настроение, одновременно с этим влияя на общество и усиливая его недовольство союзниками.

На фоне откровенных критики партийной прессы в адрес союзников, официальная риторика была более сдержанной, однако высказывания Верховного Правителя и деятелей Омского правительства позволяют сказать, что и представители элиты антибольшевистского движения в конечном счете разочаровались в союзниках. Как заявлял впоследствии представитель партии кадетов П.П. Юренев, «военная помощь иностранцев принесла вред, они оказались врагами не только большевиков, но и всего русского»¹.

При характеристике отношения широких слоев населения к присутствию иностранных войск в России уместно привести слова крестьян Иркутской губернии, подвергшихся нападению румынских войск: «мы

¹ Ципкин Ю.Н. Гражданская война на Дальнем Востоке России: формирование антибольшевистских режимов и их крушение (1917-1922). Хабаровск, 2012. С. 241.

никогда не хотели большевиков, и у нас их нет, но уж если приходят иностранцы и так с нами расправляются, то пусть лучше приходят большевики, они все же наши, русские»¹.

Наступление Красной армии на восток, падение власти А. В. Колчака означали, по сути, провал интервенции. Союзники приняли решение об эвакуации с Дальнего Востока. К апрелю 1920 г. удалось эвакуироваться американским, английским, французским, итальянским, чехословацким войскам, оставались лишь японцы. Окончилась объединенная союзная интервенция на востоке России. Оказались закрыты многие газеты. Таким образом, можно говорить о завершении этапа в создании образа союзников периодической печатью Сибири и Дальнего Востока.

¹ ГАРФ. Ф. Р 200. Оп. 1. Д. 126. Л. 39.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Дальневосточная и сибирская периодическая печать в период Гражданской войны сыграла огромную роль в воздействии на общественное мнение. Она оперировала множеством образов и мифов, которые использовались той или иной политической силой для нужного ей воздействия на общество. Одним из таких образов был образ союзников. Большое количество публикаций, посвященных взаимоотношениям с союзниками, а также активная полемика на страницах газет по данному вопросу, говорит о его важности и актуальности для общественного мнения востока России. Рассмотрение и анализ газетных публикаций посвященных теме взаимодействия России и Антанты, дает возможность реконструировать образ союзников в периодической печати. Изучение содержания данного образа позволяет сделать ряд выводов.

Во-первых, необходимо отметить противоречивость образа союзников, которая выражалась, прежде всего, в том, что данный образ имел набор как положительных, так и отрицательных черт. Так, сообщения о военной, гуманитарной и экономической помощи иностранцев, рассуждения о перспективах выгодного экономического сотрудничества, подкрепляемые надеждами на скорое признание правительства А.В. Колчака, создавали положительную репутацию всем странам Согласия.

С другой стороны, сведения о некорректном поведении американских и японских интервентов, различные инциденты с их участием, двойственная политика американцев в отношении большевиков, японская и американская экономическая экспансия и непризнание правительства А.В. Колчака всеми странами Антанты делали союзников непопулярными как в прессе, так и среди населения.

При этом союзники не рассматривались как единая монолитная сила. Отмечалось, что у каждого в коалиции есть свои интересы. Особенности политики той или иной страны по отношению к России, находили свое

отражение в печати. В результате, Япония рассматривалась как основная военная сила на Дальнем Востоке, экспансионистских замыслов которой следует опасаться. США – как наиболее перспективный экономический партнер и как страна, развернувшая широкомасштабную информационно-пропагандистскую, гуманитарную деятельность. Британия и Франция – основные союзники России по мировой войне – как державы способные оказать весомую дипломатическую поддержку белому движению.

Противоречивость образов стран Антанты, таким образом, свидетельствует о неоднозначном отношении даже небольшевистской прессы к их политике в отношении к России. Что, в свою очередь, в целом отражает отношение российского общества к союзникам в годы Гражданской войны.

Во-вторых, следует обратить внимание на эволюцию образов союзников. На начальном этапе интервенция воспринималась преимущественно положительно, хотя нельзя отрицать существования и альтернативных отрицательных мнений. Официальная, кадетская и часть эсеровской печати, выражая свои симпатии к союзникам, стремилась при этом доказать необходимость интервенции и оправдать присутствие иностранных войск на территории России. Обоснование необходимости интервенции тесно увязывалось прессой с антибольшевистской и антигерманской пропагандой. Поскольку Брестский мир рассматривался, как предательство национальных интересов страны, а большевики объявлялись ставленниками Германии, борьба с ними считалась борьбой за независимость и свободу России. Вмешательство союзников расценивалось, таким образом, не как агрессия, а как помощь.

После окончания мировой войны, потребовалась подкорректировать данное обоснование. Официальная печать, созданного в ноябре 1918 г. правительства адмирала А.В. Колчака и поддерживавшие его кадеты на страницах своих изданий стремились создать отрицательный образ

большевиков, стремящихся посеять хаос во всем мире. Противопоставив себя им, как приверженцев «единой и неделимой России», патриотов, и сторонников развития России по западной, демократической модели, сторонники омского режима стремились убедить общественность Сибири и самих союзников в том, что интервенция не столько вмешательство в русские дела, и участие в борьбе за «воссоздание России», сколько борьба с глобальным злом, «пугачевщиной XX века», грозящей всему миру. Вследствие этого, нарушение суверенитета России интервентами считалось сибирской правительственной и либеральной печатью меньшим злом в сравнении с установлением власти большевиков над страной.

Для мифологизированного сознания внешний мир представляет собой «темную», или в лучшем случае, «серую» зону, область повышенной опасности, враждебную, по отношению к человеку, где все иное и неустойчиво. Союзник – как часть внешнего мира, также воспринимается как нечто неустойчивое и сомнительное, потенциально враждебное¹. Антибольшевистские режимы Сибири в рамках своей информационно-пропагандистской деятельности стремились сформировать положительный образ союзников. Превратить их из «чужаков», место которых в «серой» зоне неясности и опасностей в «своих», путем встраивания в бинарную оппозицию «свой-чужой», где союзники и белые противопоставлялись германцам и большевикам.

Для этого официальная и проправительственная печать белой Сибири стремилась возродить образ «благородных» союзников, сложившийся на начальном этапе мировой войны, активно обращаясь к событиям недавнего прошлого, когда Россия и Антанта плечом к плечу сражались с общим врагом. Нарратив о «Великой войне», был одновременно и фоном/местом, в котором конструировался образ союзников и средством для этого

¹ Голубев А.В., Поршнева О.С. Образ союзника в сознании российского общества в контексте мировых войн. М., 2012. С.11.

конструирования. Положительный образ союзников, включенных с оппозицию «свои – чужие» на место «своих» предназначался:

Во-первых, для обоснования правоты белого движения, и для легитимации антибольшевистских режимов востока России и укрепления их престижа. Факт сотрудничества с ведущими демократическими державами должен был поднять статус белых, показать, что их программа и политика не являются реакционными, свидетельствовать о неизбежности победы антибольшевистских сил, которые и поведут Россию к решению внутренних проблем и будут представлять страну на международной арене.

Во-вторых, для обоснования важности и необходимости борьбы с большевизмом ради восстановления величия России – сам факт вмешательства союзников должен был говорить об этом. В данном случае особую роль на процесс восприятия союзников оказали идеи, отстаивавшиеся белыми. Так, уверенность антибольшевистских сил, в том, что страны Антанты не меньше русских заинтересованы в «Великой, единой и неделимой России», привела к искажению и идеализации образа союзников.

В-третьих, союзники выступали в роли идеала, образца для подражания. В данном случае пример союзных стран использовался для воздействия на общественность. Указывая на отсталость России путем сравнения ее с эталонами общественного и политического устройства, в роли которых выступали державы Согласия, белые призывали общество сплотиться вокруг власти и пытались мотивировать население на борьбу с большевиками ради восстановления величия и единства страны.

По мере того как образ союзников становился все более отрицательным, и надежды на их помощь улетучивались, представления о роли союзников менялись. Если первоначально они изображались в качестве помощников, братьев по оружию и по духу, то затем превратились в безучастных наблюдателей, иногда выступая даже в роли препятствия на

пути России к возрождению. В связи с этим, патриотическая риторика, сочеталась в прессе с критикой «русской политики» Антанты, для убеждения общественности в необходимости сплочения, решения внутренних насущных проблем, укрепления власти Верховного Правительства, а также в том, что возможно и необходимо справиться с большевиками самостоятельно.

Следует отметить, однако, что использование образа союзников для решения вышеназванных задач не имело какого-либо значимого успеха. Применение образа интервентов для патриотической риторики и консолидации антибольшевистских сил оказалось бесполезным. Напротив, интервенция и союзники, образ которых только ухудшался, делали также непопулярным и режим А.В. Колчака. Как писал впоследствии Н.В. Устрялов, «причудливая диалектика истории неожиданно выдвинула Советскую власть с ее идеологией интернационализма на роль национального фактора современной русской жизни; в то время как наш национализм потускнел и поблек на практике вследствие хронических альянсов и компромиссов с так называемыми “союзниками”»¹.

Образ интервентов, сформированный на страницах периодической печати, несомненно, оказывал определенное воздействие на общественное сознание. В данном случае, прежде всего, приходится говорить о части населения, которая имела доступ к прессе. Пресса сыграла важную роль в распространении как положительной, так и отрицательной информации странах Антанты и их «русской политике», различных слухов и сенсаций, которые смешиваясь в сознании обывателя с его личным восприятием действительности, и формировали в обществе противоречивые представления о союзниках.

¹ Устрялов Н.В. В борьбе за Россию. сб. ст. Харбин, 1920. С. 5.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники:

1. Документальные материалы центральных архивов

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Москва.

Ф. Р-200. Министерство иностранных дел Российского правительства
Оп.1. Д. 26, 30, 38, 58, 61, 61, 115, 118, 119, 120, 121, 126, 127.

Ф. Р-3952. «Комиссия по организации встречи французских войск в Омске (При управлении делами совета министров Временного Сибирского Правительства)». Оп.1. Д. 1, 2, 3, 4.

Российский государственный военный архив (РГВА). Москва.

Ф. 39507 Штаб приамурского военного округа. Оп.1. Д. 47, 50, 53.

Ф. 40218 Контрразведывательное отделение штаба Верховного главнокомандующего Российского правительства. Оп. 1. Д. 102, 103, 104, 121, 143 .

2. Периодическая печать:

1. Амурское эхо. – Благовещенск, 1918-1919
2. Вестник Временного Всероссийского правительства. – Омск, 1918.
3. Вестник Томской губернии. – Томск, 1918–1919.
4. Военные ведомости. – Новониколаевск, 1918–1919.
5. Воля Сибири. – Красноярск, 1918.
6. Восточный курьер. – Чита, 1919.
7. Голос Народа. – Томск, 1918.
8. Голос Приморья. – Владивосток, 1918-1919.
9. Голос Родины. – Владивосток, 1919.
10. Далекая окраина. – Владивосток, 1918-1919.
11. Дальний Восток. Владивосток, 1919.
12. Дальневосточное обозрение. – Владивосток, 1919.
13. Дело рабочего. – Красноярск, 1918.
14. Дружеское слово. – Владивосток, 1918-1919.

15. Енисейский вестник. – Красноярск, 1919.
16. Заря. – Омск, 1918–1919.
17. Знамя труда. – Красноярск, 1918.
18. Забайкальская новь. – Чита, 1918-1919.
19. Народная газета. – Томск, 1918-1919.
20. Народная Сибирь. – Новониколаевск, 1918.
21. Наша газета. – Омск, 1919.
22. Наша газета. – Томск, 1919.
23. Наша газета. – Новониколаевск, 1919
24. Наша газета. – Иркутск, 1919.
25. Наше дело. – Иркутск, 1918-1919.
26. Новая Сибирь. – Иркутск, 1918.
27. Отечественные ведомости. – Уфа, Екатеринбург, 1918–1919.
28. Правительственный вестник. – Омск, 1918-1919.
29. Приамурская жизнь. – Хабаровск, 1918.
30. Призыв. – Харбин, 1918.
31. Родина. – Красноярск, 1919.
32. Русский Восток. – Чита, 1918-1919.
33. Русская армия. – Омск, 1918–1919.
34. Русская речь. – Новониколаевск, 1918-1919.
35. Русское дело. – Омск, 1919.
36. Русь. – Омск, 1919.
37. Свободный край. – Иркутск, 1918-1919.
38. Свободная Сибирь. – Красноярск, 1918-1919.
39. Сибирь. – Иркутск, 1918.
40. Сибирская жизнь. – Томск, 1918-1919.
41. Сибирская речь. – Омск, 1918-1919.
42. Сибирский вестник. – Омск, 1918.
43. Эхо. – Владивосток, 1919.

3. Документальные издания

1. Борьба за власть советов в Приморье (1917-1922) : сборник документов / ред. Л.И. Великова. – Владивосток : Приморское книжное издательство, 1955. – 829 с.
2. Временное Сибирское правительство (26 мая – 3 ноября 1918 г.) : сборник документов и материалов / сост. и научн. ред. В.И. Шишкин. – Новосибирск : ИД «Сова», 2007. – 818 с.
3. Западно-Сибирский комиссариат Временного Сибирского правительства (26 мая – 30 июня 1918 г.) : сборник документов и материалов. / Отв. ред. В.И. Шишкин. – Новосибирск : НГУ, 2005. – 246 с.
4. Квакин А.В. За спиной Колчака : Документы и материалы / А.В. Квакин. – М. : Аграф, 2005. – 512 с.
5. Колчак и интервенция на Дальнем Востоке : Документы и материалы : сборник / отв. ред. Б.И. Мухачев. – Владивосток : ИИАЭН ДВО РАН, 1995. – 216 с.
6. «Они... представляются населению в роли завоевателей». Отчет белогвардейского офицера о японской интервенции и Гражданской войне на Дальнем Востоке. // Отечественные архивы. – 2008. – №3. – С. 73-81.
7. Пионтковский С.А. Гражданская война в России (1918-1921 гг.). Хрестоматия / С.А. Пионтковский. – М. : Изд. Комм. ун-та им. Я. М. Свердлова, 1925. – 708 с.
8. Союзническая интервенция на Дальнем востоке и в Сибири. Доклад Пишона / ред. и предисловие В. Виленского-Сибирякова – М. : Государственное издательство, 1925. – 94 с.

4. Источники личного происхождения:

1. Белое дело: Избранные произведения в 16 книгах. – М. : Российский государственный гуманитарный ун-т, 2003. – Кн. 14 : Будберг А.П. Дневник. Часть первая. – 558 с.
2. Болдырев В.Г. Директория. Колчак. Интервенты. Воспоминания. / В.Г. Болдырев. – Новониколаевск : Сибкрайиздат, 1925. – 566 с.
3. Вологодский П.В. Во власти и в изгнании: Дневник премьер-министра антибольшевистских правительств и эмигранта в Китае (1918–1925гг.) / П.В. Вологодский; составл., предисл. и коммент. Д.Г. Вульфа, Н.С. Ларькова, С.М. Ляндреса. – Рязань : част. изд-во П.А. Трибунского, 2006. – 619 с.
4. Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак : в 2 т. / Г.К. Гинс. – Пекин, 1921. – Т.1. – 325 с., Т.2. – 606 с.
5. Грэвс В. Американская авантюра в Сибири / В. Грэвс. – М. : Военизгиз, 1932. – 250 с.
6. Лэтчфорд Е.У. С белой армией в Сибири. Перевод и комментарии – В. Крупник [Электронный ресурс] // Сибирская заимка / рук. проекта М. Галушко. – Электрон. дан. – URL: <http://zaimka.ru/white/latchford.shtml> (дата обращения: 28.04.2013).
7. Уорд Д. Союзная интервенция в Сибири / Д. Уорд. – М., Петроград : Госизд, 1923. – 173 с.
8. Устрялов Н.В. Белый Омск. Дневник колчаковца // Русское прошлое : альманах. – СПб : изд-во «Свелен», 1991. – № 2. – С. 283–340.

Исследования:

1. Антисоветская интервенция и ее крах, 1917-1922 / ред. Ю.В. Мухачев. – М. : Политиздат, 1987. – 206 с.

2. Березкин А.В. США активный организатор и участник военной интервенции против Советской России (1918-1920 гг.) / А.В. Березкин. – М. : Госполитиздат, 1952. – 256 с.
3. Гвишиани Л.А. Советская Россия и США (1917-1920) / Л.А. Гвишиани. – М. : Международные отношения, 1970. – 328 с.
4. Глущенко Н.А. Гражданская война и интервенция в Сибири и на Дальнем Востоке в оценках американской периодической печати (конец 1917-апрель 1920 гг.) : по материалам газеты «The New-York Times» / Н.А. Глущенко дис. ... канд. ист. наук. 07.00.02. – Томск, 2014. – 263 с.
5. Голдин В.И. Россия в гражданской войне. Очерки новейшей историографии (вторая половина 1980-х – 90-е годы) / В.И. Голдин. – Архангельск : «Боргес», 2000. – 280 с.
6. Головин Н.Н. Российская контр-революция в 1917–1918 гг. : в 12 кн. – Париж, 1937. – Кн. 1. –170 с.; – Кн. 2. –160 с.; – Кн. 3. –116 с.; – Кн. 4. – 90 с.; – Кн. 8. –156 с.; – Кн. 9. – 112 с.
7. Голубев А.В. Образ союзника в сознании российского общества в контексте мировых войн / А.В. Голубев, О.С. Поршнева. – М. : Новый хронограф, 2012. – 392 с.
8. Григорцевич С.С. Американская и японская интервенция на советском Дальнем Востоке и её разгром (1918-1922 гг.) / С.С. Григорцевич. – М. : Госполитиздат, 1957. – 200 с.
9. Думова Н.Г. Кадетская контрреволюция и ее разгром (октябрь 1917–1920 гг.) / Н.Г. Думова. – М. : Наука, 1982. – 416 с.
10. Жигалов Б.С. Дальневосточная политика Англии в 1917-1922 гг. / Б.С. Жигалов. – Томск : Изд-во Томского университета, 1981. – 173 с.
11. Журавлев В.В. Государственное совещание в Уфе: к вопросу о путях и характере консолидации антибольшевистского движения на востоке России в июле – сентябре 1918 г. // Сибирь в контексте отечественной и мировой истории XVII-XXI вв. : Бахрушинские чтения:

- межвузовский сборник научных статей. – Новосибирск, 2007. – С. 70-94.
12. Журавлев В.В. Правовая репрезентация государственной власти сибирской контрреволюции в 1918 г. // Контрреволюция на востоке России в период гражданской войны (1918–1919 гг.). – Новосибирск : Институт истории СО РАН, 2009. – С. 3-20.
 13. Журавлев В.В. «Присвоив таковому лицу наименование Верховного Правителя» : К вопросу о титуле, принятом адмиралом А.В. Колчаком 18 ноября 1918 г. // Антропологический форум. – 2008. – № 8. – С. 353-388.
 14. Зими́на В.Д. Белое дело взбунтовавшейся России : Политические режимы Гражданской войны 1917-1920 гг. / В.Д. Зими́на – М. : Изд-во РГГУ, 2006. – 467 с.
 15. Иванян Э.А. У истоков советско-американских отношений / Э.А. Иванян. – М. : Международные отношения, 2007. – 368 с.
 16. История Дальнего Востока России / Под ред. Б.И. Мухачева. – Владивосток : Дальнаука, 2003. – Т. 3. Дальний Восток России в период революций 1917 года и гражданской войны, кн. 1. – 632 с.
 17. Колоницкий Б.И. «Трагическая эротика» : образы императорской семьи в годы Первой мировой войны / Б.И. Колоницкий – М. : Новое литературное обозрение, 2010. – С. 23-24.
 18. Косых Е.Н. Периодическая печать Сибири (март 1917 – май 1918 гг.). Из истории идейно-политической борьбы. / Е.Н. Косых. – Томск : Изд-во ТГУ, 1994. – 250 с.
 19. Листиков С.В. «Русский след» в американской интервенции // Российская история. – 2012 – № 5. – С. 139-151.
 20. Листиков С.В. Великие державы и «русский вопрос»: Решения Версальской мирной конференции 1919-1920 гг. и их последствия // Российская история. – 2011. – №5. – С. 15-29.

21. Листиков С.В. Белая дипломатия о позиции США и Европейских держав по вопросу о территориальной целостности России (Версальская мирная конференция 1919 г.) // Американский ежегодник. – 2009. – №2007. – С. 280-286.
22. Луков Е.В. Образ Уфимской Директории на страницах «Вестника Временного Всероссийского правительства» // 150 лет периодической печати в Сибири : Материалы региональной научной конференции, посвященной 150-летию издания в Сибири «Губернских ведомостей» (Томск, 19-20 апреля 2007 г.). – Томск, 2007. – С. 183-188.
23. Мельгунов С.П. Трагедия адмирала Колчака : в 2 т. / С.П. Мельгунов. – М. : Айрис-пресс, 2005. – Т. 1. – 570 с; Т. 2. – 493 с.
24. Молчанов Л.А. Газетная пресса России в годы революции и Гражданской войны (окт. 1917-1920 гг.) / Л.А. Молчанов. – М. : Издатпрофпресс, 2002. – 272 с.
25. Наумова Н.И. Феномен нации в идеологии белогвардейцев // История белой Сибири: материалы 6-й международной научной конференции. – Кемерово : Кузбассвуиздат, 2005. – С. 173-177.
26. Наумова Н.И. О содержании лозунга «единая и неделимая Россия» в годы гражданской войны // По страницам истории и судьбы : к 70-летию профессора Ю. В. Куперта : сборник научных статей и материалов Томск, 2001. – С. 163-167.
27. Нестеренко П. Л. Сибирская периодическая печать о взаимоотношениях правительства адмирала А.В. Колчака с союзниками: источниковедческий аспект: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09 / П. Л. Нестеренко. – Томск, 2000. – 171 с.
28. Никитин А. Н. Периодическая печать как источник по истории гражданской войны в Сибири / А.Н. Никитин. – Омск : Высшая школа милиции МВД РФ, 1991. – 203 с.

29. Периодическая печать Сибири в годы гражданской войны (конец мая 1918 – декабрь 1919 гг.) : [Указатель газет и журналов. Пособие для студентов] / Е.Н. Косых [и др.]. – Томск, 1991. – 56 с.
30. Политика Японии в Сибири в 1918-1920 гг. : [учебное пособие по спецкурсу] / С.Г. Лившиц. – Барнаул : Изд-во. Барнаульского гос. пед. ин-та, 1991. – 120 с.
31. Поршнева О. С. Эволюция представлений о союзниках в массовом сознании революционной России 1917 // Уральский исторический вестник. – 2014. – № 1 (42). – С. 43-52.
32. Поршнева О. С. Образы западных союзников в русском традиционном сознании накануне и в годы Первой мировой войны (1914 - февраль 1917 гг.) / О. С. Поршнева // Проблемы истории России. – Екатеринбург : Волот, 2011. – Вып. 9 : Россия и Запад в переходную эпоху от средневековья к новому времени. – С. 316-325.
33. Привалова Е.А. В союзе с белогвардейской прессой: Американское Бюро Печати в Советской России (1917-1920 годы) / Е.А. Привалова. – М. : Изд-во МГУ, 1990. – 320 с.
34. Рынков В.М. Антибольшевистские политические режимы и общество : взаимодействие на информационном пространстве восточных регионов России // Контрреволюция на востоке России в период гражданской войны (1918–1919 гг.). – Новосибирск, 2009. – С. 105-126.
35. Светачев М.И. Империалистическая интервенция в Сибири и на Дальнем Востоке (1918-1922 гг.) / М.И. Светачев. – Новосибирск : Наука, 1983. – 338 с.
36. Севостьянов Г.Н. Москва – Вашингтон : На пути к признанию. 1918-1933 / Г.Н. Севостьянов. – М. : Наука, 2004. – 405 с.
37. Слободин В.П. Белое движение в годы гражданской войны в России (1917–1922 гг.) / В.П. Слободин – М. : МЮИ МВД России, 1996. – 80 с.

38. Стельмак М.М. Директория и союзники: освещение иностранной помощи на страницах «Вестника Временного Всероссийского правительства» // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 2. С. 39-45.
39. Стельмак М. М. Отношения английского и Временного Сибирского правительства в 1918 г. (по материалам газеты «Сибирский вестник») // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2015. – № 1. Т. 2. – С. 63-67.
40. Фоминых С.Ф. К истории интервенции и гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке. Критический анализ американской дипломатической переписки как исторического источника / С.Ф. Фоминых. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1988. – 198 с.
41. Хандорин В.Г. Идеино-политическая эволюция либерализма в Сибири периода Революции и Гражданской войны. / В.Г. Хандорин. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2010. – 368 с.
42. Шевелев Д.Н. Осведомительная работа антибольшевистских правительств на территории Сибири в годы Гражданской войны (июнь 1918 – январь 1920 гг.) : дис. ... д-ра. ист. наук: 07.00.02. / Д.Н. Шевелев – Томск, 2012. – 613 с.
43. Шевелев Д.Н. Структурирование политического пространства и формирование национальной идентичности в официальной и проправительственной печати белой Сибири (июнь 1918-декабрь 1919 гг.) // Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности: методология, методика и практики исследования: Программа и тезисы. – Томск : Изд-во Том. ун-та. – 2014. – С. 225-228.
44. Шевелев Д.Н. «Мы испытали горькое удовлетворение нашей общей победы»: тема и образы «Великой войны» в официальной и

- проправительственной периодической печати белой Сибири (июнь 1918 – декабрь 1919 гг.) // Былые годы. – 2014. – № 33(3). – С. 348-353.
45. Шереметьева Д.Л. Газеты Сибири в период «демократической контрреволюции» : конец мая - середина ноября 1918 г. : автореф. дис. ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Шереметьева Д. Л. – Новосибирск, 2011. – 25 с.
46. Шереметьева Д.Л. Динамика численности газетной прессы Сибири в период революции и гражданской войны // Власть и общество в Сибири в XX веке. Сборник научных статей. Вып. 3 / Науч. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск : Параллель, 2012. С. 59-79.
47. Шиловский М.В. К вопросу о создании Временного Всероссийского правительства (Директории) // Общественно–политическая жизнь Сибири XX в. : межвузовский сборник научных трудов. – Новосибирск, 2000. – Вып. 4. – С. 47-55.
48. Ципкин Ю.Н. Гражданская война на Дальнем Востоке России: формирование антибольшевистских режимов и их крушение (1917-1922 гг.). / Ю.Н. Ципкин – Хабаровск : Дальневост. гос. гуманитар. ун-т; Хабар. краевой музей им. Н.И. Гродекова, 2012. – 246 с.